

Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а
Ч И С Т А Я р е ч к а

*«Проза моей талантливой
ученицы Наташи Терентьевой
светлая, пронзительная
и жизнеутверждающая».*

БОРИС КЛЮЕВ,
народный артист России

Наталия Терентьева

Чистая речка

«АСТ»

2015

Терентьева Н. М.

Чистая речка / Н. М. Терентьева — «АСТ», 2015

«Я помню эту странную тишину, которая наступила в доме. Как будто заложило уши. А когда отложило – звуков больше не было. Потом это прошло. Через месяц или два, когда наступила совсем другая жизнь...» Другая жизнь Лены Брусникиной – это детский дом, в котором свои законы: строгие, честные и несправедливые одновременно. Дети умеют их обойти, но не могут перешагнуть пропасть, отделяющую их от «нормального» мира, о котором они так мало знают. Они – такие же, как домашние, только мир вокруг них – иной. Они не учатся любить, доверять, уважать, они учатся – выживать. Все их чувства предельно обострены, и любое событие – от пропавшей вещи до симпатии учителя – в этой вселенной вызывает настоящий взрыв с непредсказуемыми последствиями. А если четырнадцатилетняя девочка умна и хорошеет на глазах, ей неожиданно приходится решать совсем взрослые вопросы...

© Терентьева Н. М., 2015

© АСТ, 2015

Наталия Терентьева

Чистая речка

Граница между светом и тенью – ты.
Станислав Ежи Лец

© Н.М. Терентьева, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Я помню эту странную тишину, которая наступила в доме, когда умерла мама. Мама умерла в больнице, но до того, как мне позвонили и сказали, дом был наполнен разными звуками. Кричала на детей соседка, капала вода на кухне, громко включался холодильник, скрипело окно, которое я никак не могла плотно закрыть. А потом как будто заложило уши. А когда отложило – звуков больше не было. Потом это прошло. Через месяц или два, когда наступила совсем другая жизнь.

Я помню, как приходил папа, и на похороны, и после похорон. Он пытался меня обнимать и несколько раз путано объяснял, что теперь мне лучше жить у него, но жить негде. И что он никогда меня не бросит и всегда будет помогать. Что в детском доме мне будет одиноко, но там мне будет очень хорошо, потому что я поеду за город и буду там всегда жить, пока мне не исполнится пятнадцать лет.

Я это помню, но иногда мне кажется, что этого никогда не было. Что ничего не было до того, как я попала в детский дом. Мне трудно теперь поверить, что у меня была своя комната, даже с балконом, что меня кто-то любил. Я помню маму, но не очень четко. Я привыкла разговаривать с ее фотографией – молча, про себя, и мне кажется, что она всегда была такой, как на этой фотографии, – в голубом платье, смеющейся, с легким шарфиком вокруг шеи.

Наверно, мама знала, что она должна умереть. Я помню, что перед тем, как ее забрали в больницу, она мне почему-то сказала: «Если со мной что случится, обещай мне, что ты будешь хорошо учиться, будешь, несмотря ни на что, хорошей девочкой. Обещаешь?» Мне было десять лет, я училась в школе отлично, я не могла понять, почему мама вдруг говорит о таком. Не знаю, что я ей ответила, наверно, пообещала. Потом я часто вспоминала эти ее слова. Она взяла с меня слово, которое сдержать оказалось не так просто.

– Брусникина, ты долго еще? – в комнату заглянула Лерка. – Тебя ждем.

– Я не пойду, я устала.

– Деньги тогда давай, куплю тебе чего-нибудь.

– У меня нет денег.

– Тебе что, отец не прислал?

Лерка подошла, сунула нос в мою сумку, которая стояла на тумбочке. Я могла ее оттолкнуть, мне это ничего не стоило, но я не стала связываться, лишь пожала плечами.

Я знала, что Лерка может полезть искать деньги, когда никого нет – например, все уедут в школу, а она скажется больной. Остановить ее может только страх. Например, если сейчас дать ей в лоб, но ничего хорошего из этого не будет. Затаится и станет мстить.

– Что, ему денег на тебя жалко? – Она не уходила, стояла около меня, раскачиваясь на носках и надеясь, что я ей копейку все же дам.

– Не жалко, хотя не знаю. Может, и жалко. Я его плохо знаю. Он зато конфеты привозил, ты помнишь? Огромную коробку. И духи.

Лерка вздохнула:

– Ну ясно, денег не дашь. Можно брызнуться духами?

Я кивнула:

– Брызнись. Только не удивляйся тогда, если Веселухин за тобой будет увиваться всю дорогу.

– Я не про-отив... – глупо засмеялась Лерка, но духи все же поставила на место. – Ладно. Жалко, что ты с нами не идешь.

– Мне алгебру делать нужно. Очень сложная тема. Одну задачу решали весь урок и не решили.

– Зачем тебе алгебра? – искренне удивилась Лерка. – Не понимаю. Никто, кстати, не понимает.

Лерка, которую не любит никто, часто говорит от имени всех, чувствует себя так увереннее. Я спорить не стала, у нее гнусный характер, с ней – чем меньше разговоров, тем тебе же и лучше.

– Руська... – заняла Лерка. – Ну дай хотя бы десять рублей. У тебя же есть деньги...

– А на что тебе сегодня деньги так нужны?

– На то же самое! – глупо засмеялась Лерка. – Тебе куплю, хочешь? Как полезет к тебе Веселухин, ты ему – р-раз и...

– Так, все, я поняла. Не полезет, не волнуйся.

– Чё это? Уже лез, все знают.

– Лез, больше не полезет.

– Что, не понравилось? – задиристо спросила Лерка, на всякий случай отступая от меня подальше.

– Лер... – я постаралась сохранять спокойствие.

Я давно поняла ее свойство – задираться до тех пор, пока она не разозлит другого человека, чтобы он первый начал ссору. А потом она уже с удовольствием встрянет в скандал и никогда не будет виноватой – не она первая начала орать или даже драться. А довести Лерка может так, что иногда завязываются драки.

– Ну, скажи, скажи – чё ж он вокруг тебя ходил-ходил, а потом перестал?

Я поглубже набрала воздуха, так подержала его и выдохнула. Я только что читала, как один герой так делал, чтобы не вступать в драку, когда драться нельзя было. Зря она вообще о Паше заговорила. Мне немного обидно, что он теперь бегаёт за Алёхиной, и я даже знаю, почему бегаёт – именно потому, что с ней все проще получается, безотказно. Но я на Леркины провокации поддаваться не буду.

– Слышь, Брусничка, какая же ты коза все-таки! – нелогично подытожила Лерка, поняв, что сегодня не поорать, и яростно почесала давно не мытые волосы. – Ну что, не пойдешь с нами в поселок?

– Нет, не хочу. Мне заниматься надо. И я устала. Я же пять кругов бегала.

– А кто тебя заставляет? Никто не бегаёт, пацаны мелкие да ты.

– Я тренируюсь, может, в ВДВ пойду.

– Чё, серьезно?

– Ну да. Там же парней много вокруг. Здоровых таких...

Лерка всмотрелась в меня с подозрением.

– И чё? Ты гонишь, что ли?

– Ле-ерка! – из окна раздались голоса. – Ты где-е? Ты что там застряла?

– Иду-у! – проорала Лерка так, что шторы заколыхались. – Не говори Любовь Игоревне, что мы ушли. Мы вообще-то здесь, в лесу, грибы собираем.

– С чего я буду говорить?

– Ага. – Лерка кивнула, прекрасно зная, что я никогда ни про кого не сплетничаю и не докладываю. Просто она не может не дернуть человека.

Пошли они в поселок за сигаретами, это понятно, у Лерки там есть знакомая в киоске, которая всегда продает им сигареты, хотя это и запрещено. Лерка у нас не самая старшая, ей только исполнилось четырнадцать, но она одна из старших, и на вид ей можно дать гораздо больше. Наверно, потому, что она давно живет с мальчиками. У нас многие девочки рано начинают жить с мальчиками, в тринадцать, некоторые и в двенадцать лет. В прошлом году одна девочка даже не успела выпускиться, родила еще в девятом классе. Но это бывает редко. Потом с ребенком совсем некуда деться, особенно тем, у кого нет родственников.

Но вот у меня есть папа и его родня, а это ничего не значит. Все равно у них другая жизнь, и когда я выйду из детдома, к ним не пойду. У них нет места, да и вообще... Не пойду. Раньше бы, может, и пошла, если бы позвали, когда очень плохо было в детдоме, когда я была меньше. А теперь, думаю, я и сама справлюсь.

– Слышь, Руська, а двух рублей нет? Может, поищешь?

– Два есть, – сказала я и дала ей пять рублей, чтобы отвязалась и, наконец, ушла.

Когда Лерка ушла – я в окно видела, как она с другими ребятами выкатилась из двора, – я вытащила из тайника конверт с деньгами. Быстро пересчитала деньги. Тысяча двести рублей. Как было, так и есть. Если набрать грибов, то их можно будет продать на рынке рублей за сто, ну хотя бы за восемьдесят. Еще неделю-две подержатся грибы, и если не будет дождей, то рублей пятьсот можно заработать.

Вчера вечером, когда мы гуляли за территорией, я отчетливо слышала грибной запах. Это свойство у меня от мамы. Я очень хорошо чувствую запахи. Я даже помню, как мама кому-то рассказывала, что, если бы не ее отличное обоняние, она бы не узнала, что папа ее обманывает, и не спросила бы его, и он бы не ушел, когда я была совсем маленькой. А так она почувствовала запах чужих духов, спросила, нет ли у него женщины, он ответил, что есть, и ушел.

Мама преподавала литературу и русский язык в школе. Я помню, как она тщательно и серьезно готовилась к урокам по вечерам, как проверяла тетрадки допоздна под большой зеленой лампой, на которой была приклеена фея с волшебной палочкой, это я ее приклеила; помню, как аккуратно мама одевалась утром и всегда поправляла мне хвосты. Она часто делала мне такую прическу – два задорных хвостика. Почему-то помню именно это – у меня хвосты съезжали, никак не хотели держаться на одном уровне, а мама поправляла их и расстраивалась, говорила: «Ну что же у тебя такие волосы? Ведь ты сама правильная, послушная у меня девочка, а волосы непослушные...» Мне казалось, что это не волосы, а резинки такие, но я с мамой не спорила, старалась укрепить их как можно лучше.

Когда я попала в детдом, волосы мне постригли покороче, чтобы не возиться с расчесыванием, да и просто как-то стригли всех вокруг. И я привыкла два раза в год постригать волосы, хотя многие девочки к выпуску отрачивают волосы, так красивее, и они больше похожи на женщин, а не на соплюшек из детдома, кое-как подстриженных.

В этом году я не стала стричь волосы весной. К осени они отросли, и мне кажется, новая прическа меня очень изменила.

Про выпуск я думать пока не хочу, хотя осталось очень мало времени. Не хочу, но думаю постоянно. Мне страшно, я не представляю, как буду жить одна, и, возможно, мне придется учиться на маляра – у нас все поступают в одно и то же училище в городе, где нам дают комнату в общежитии. Зато у меня будет своя комната, в которой я сделаю замок и буду жить совсем одна...

Папа мне недавно объяснял, почему я не могу вернуться в ту квартиру, где мы жили с мамой.

– Понимаешь, Леночка, – говорил он. – Так вышло...

Он всегда зовет меня Леночка, даже в сообщениях не ленится писать «Леночка», просто он так привык. А я не привыкла, меня все зовут Руся, некоторые даже думают, что это мое имя. Так прижилось, сокращенно от фамилии, и удобно. Зато всем понятно и мне понятно, что зовут именно меня, больше имени такого ни у кого нет, а Лен в детском доме еще две.

– Понимаешь, Леночка, просто твою квартиру пришлось продать. Это было очень трудно сделать, потому что там была прописана ты, но нам удалось... Это было нужно для твоего младшего братика, он болел, ему нужны были витамины...

Мне кажется, папа думает, что я никак не вырасту, что я маленькая или с замедленным развитием, потому что живу в детском доме. У нас есть дети, которые даже читают еле-еле, страницу в час, не могут сосредоточиться и не помнят потом ничего, и считают плохо, а учатся при этом в моем классе, в девятом. Но это не обо мне. Я учусь лучше всех, как и обещала маме, хотя иногда мне тяжело. Когда приходят контрольные работы, которые решает вся страна, я обычно получаю четверку. А наши остальные – не выше двойки. Поэтому учительница по математике, которая преподает нам еще физику и географию, всегда говорит:

– Брусникина, тебе бы учиться, ты бы на олимпиады ездила!

Однажды я попробовала найти в Интернете олимпиаду и решить ее. Спонсоры недавно подарили нам три компьютера и даже провели связь. Я открыла для себя совершенно другой мир.

Я сделала много заданий из олимпиады, а потом несколько дней читала комментарии, потом – вопросы, которые другие дети, живущие в семьях, задают друг другу или кому-то в Интернете, кто может ответить на их вопросы... И кто-то отвечает. Это действительно какой-то другой мир. И если бы я туда попала, я бы обратно сюда уже не вернулась. Но я выйду только тогда, когда закончу девятый класс. И пойду в малярное училище, так все думают. Никуда в другое место наши выпускники никогда не попадают. Ведь малярам даже писать необязательно. Тем более считать. Крась себе стены и крась. Я никому не говорю, почти никому, но я попробую по-другому.

Сказать что-то о себе откровенно я могу только двум людям. Раньше могла трем. Но одна из них в прошлом году попала в аварию, погибла, наша директор, которая к тому же вела у нас русский язык, литературу и английский. И была очень хорошим человеком. Я даже подумала, что есть какая-то закономерность в том, что те, кто преподает русский язык и литературу и любит меня, погибают. Как моя мама и наша директор. Но, наверно, это все-таки совпадение. Ей можно было сказать все и не бояться, что она посмеется или кому-то передаст мои слова. Однажды, когда я была еще маленькой, старшие девочки, которые жили вместе со мной в комнате, напились, стали очень странно себя вести, кричать, раздеваться, я убежала и пришла к Надежде Сергеевне.

Она жила в городе, до которого пешком идти больше часа, на велосипеде ехать минут тридцать, она всегда ездила на велосипеде на уроки и обратно. И однажды ее в темноте сшиб пьяный водитель. И уехал, и его не нашли. Просто видели следы шин рядом со сломанным велосипедом и раненой Надеждой Сергеевной. Пока ехала «скорая», Надежда Сергеевна умерла. У нее осталась дочка, но ее не отдали в детский дом, потому что у Надежды Сергеевны еще была жива мама, бабушка этой девочки, и ее оставили с бабушкой.

А моя бабушка умерла еще до мамы. Но даже если бы она была жива, я думаю, меня бы ей не оставили. Бабушка была очень странным человеком, так мне казалось, хотя я была маленькой и плохо ее помню.

Бабушка когда-то танцевала в театре, была балериной, и когда она постарела, она осталась очень стройной, как девушка. Она любила носить фиолетовые шляпы, перчатки до локтя и сильно краситься. И я ее боялась. «Будешь много есть, никто тебя не возьмет замуж!» – часто говорила бабушка.

Я знала, что бабушка когда-то была замужем, очень давно, и что ее муж тоже был танцором балета, танцевал вместе с ней. Но это был не мой дедушка и не мамин отец. Про маминого отца говорить никто не любил, и фотографию его я не видела. Однажды только слышала, как мама упрекала бабушку: «Из-за чего у меня такое здоровье? Зачем было меня от старика рожать?» Я тогда ничего не поняла, но запомнила мамини слова. А теперь, когда думаю о своих родственниках, я понимаю, что и у мамы, и у бабушки все было не очень удачно с мужчинами. Но мне повезло, что я могу думать о родственниках. Ведь у большинства детей их или совсем нет, или они пропащие – сидят в тюрьме или лишены родительских прав. У меня-то лучше, чем у остальных.

Еще один человек, которому я могу почти все рассказать, – это Анна Михайловна, мой шеф. У некоторых наших ребят есть шефы. Это не опекун, и многие своих шефов даже никогда не видели. Анна Михайловна пишет мне письма, я отвечаю, если захочу. Если нет – она все равно пишет. Наверно, это такое правило, потому что у других ребят так же. Некоторые не пишут шефам вообще или пишут, чтобы что-то попросить. А шефы все равно пишут, раз в месяц обязательно. Еще они присылают подарки, но только недорогие. Бесполезно просить телефон или какие-то хорошие вещи. По правилам им нельзя дарить нам дорогие подарки.

Я Анну Михайловну никогда не видела, но надеюсь, что она когда-нибудь приедет к нам. Хотя к нам очень редко кто-то приезжает, потому что сюда трудно добираться. Наш детский дом находится на территории бывшей военной части. Когда-то здесь специально спрятали секретную часть, в лесу. Наверно, в ней готовили разведчиков или была какая-то особая база. Потому что дороги к ней почти нет. Разбитая проселочная дорога, по которой кто хотя бы раз проедет, больше никогда не рискует. Вот мой папа однажды еле добрался и второй раз смог доехать только через три года.

Тем детским домам и интернатам, которые расположены близко от трасс, повезло гораздо больше. Люди едут мимо, видят табличку с указателем «Детский дом 400 м», и некоторые сворачивают, оставляют детям подарки, конфеты или привозят ношеную, но хорошую одежду. К нам же, особенно в распутицу, можно приехать только на вездеходе или долететь на вертолете, а на вертолетах летают только военные и правительство. Но ведь правительство не полетит к нам. И у военных других дел хватает.

Зато у нас очень хороший воздух, все так говорят, когда попадают к нам. И начинают сразу зевать, это значит, что в воздухе много кислорода. На месте большого поселка Первомайский, куда мы ходим что-нибудь купить, продать ягоды-грибы или просто поболтаться по улицам, когда-то было село, которое называлось Чистореченское. Хотя никакой речки здесь поблизости нет. В нескольких километрах есть озеро, но мы там купаемся редко, потому что в нем много рыбы, и рыбаки гонят нас, даже однажды кинули камнем и разбили голову одному мальчику. Можно купаться только рано утром, когда вода очень холодная, но зато рыбаки еще не проснулись.

Я иногда думаю – может, та речка просто пересохла? Или превратилась в озеро? Или ушла под землю... Так ведь бывает, есть подземные речки. У нас в лесу за территорией есть ключ, там очень чистая вода, которую можно пить, мы набираем ее канистрами и приносим в столовую, и потом пьем, можно даже некипяченую. И у нас очень редко болеют дети. Может быть, это и есть ключ из той Чистой речки? Я однажды написала сочинение про наш ключ и про реку, Надежда Сергеевна меня очень хвалила, даже хотела послать его на какой-то конкурс. Но не успела, ее сшибли.

Теперь у нас русский и литературу ведет другая учительница, и я на ее уроках скучаю и жду перемены. Нас осталось мало, почему-то перестали привозить детей в детский дом, старшие выпускаются, а новых не привозят. И в школу мы теперь ездим в поселок, на автобусе, если можно добраться. Когда начинаются дожди, дорогу размывает, и он может проехать только до половины дороги. И часть дороги мы идем пешком. Если не очень холодно и мокро, то это даже

здорово, особенно ранней осенью – в лесу есть орешина и дикая слива, а по обочине можно набрать грибов. Но если сильный дождь или снег, мы остаемся на «самообучение». Никто, конечно, ничего не делает. Я беру книгу и ухожу куда-нибудь читать.

На кровати нам днем лежать не разрешают. Сидеть – можно, а лежать – только если ты болеешь. Есть, конечно, у нас люди, которым нельзя что-то запретить. Ну как воспитатель поднимет Веселухина, если тот ляжет и не захочет встать? Она будет кричать, угрожать, назначать наказание одно за другим – и самому Паше, и остальным заодно. Но Паша тогда нарочно не встанет. Поэтому законы есть, например – не лежать на кровати, не курить на территории, не воровать, – но соблюдают их те, у кого внутри есть какой-то свой закон.

Я вспомнила про Анну Михайловну, когда ушла Лерка. Как раз мой шеф спрашивала меня в последнем письме, чем я занимаюсь в свободное время. Она спрашивает это всегда, а я всегда отвечаю почти одно и то же: читаю, думаю, гуляю со своими товарищами. Про Веселухина я ей не рассказывала. Да и как это было рассказать? О чем-то я бы ни за что не стала откровенничать с Анной Михайловной, я могла бы рассказать лишь, как он всегда смотрел на меня и мне становилось приятно и как-то тревожно от его взгляда, как он приносил мне конфеты, всегда садился рядом со мной, когда мы смотрели телевизор, как он взял меня однажды за руку, и я никогда не забуду тот день.

Мы шли гулять, была осень, как сейчас, но с тех пор прошло уже два года. Было солнечно и холодно. У меня замерзли руки. А Веселухин взял обе мои руки, подул на них, сам засмеялся, и дальше мы пошли за руку. Но ему тогда было тринадцать лет, он был маленький, даже ниже меня ростом. А через год у него начали расти усы, не настоящие, просто появились темные волосы над верхней губой. И он весь как-то изменился. Заговорил смешным ломким голосом, вытянулся, стал неловким и как-то... поглупел, что ли. И вот тогда в Новый год произошло одно событие, о котором я очень не люблю вспоминать, и... все временно закончилось. Паша через некоторое время стал везде ходить с Алёхиной, а однажды девчонки увидели, как он целовался с ней за забором, и так целовался, что всем всё стало ясно. И они, конечно, сразу прибежали ко мне и заставили пойти посмотреть. Я пошла не потому, что меня так легко заставить что-то сделать. А потому, что я хотела убедиться – все, эта история закончена. Через месяц или два Веселухин снова стал смотреть на меня, пару раз подходил, приносил шоколад, но у меня как будто что-то пропало внутри. Раньше было что-то, что вздрагивало и теплело при виде его, а теперь исчезло.

Я достала последнее письмо Анны Михайловны. «И обязательно напиши, о чем ты думаешь сейчас, прямо в ту минуту, когда будешь писать мне ответ» – так заканчивалось ее письмо.

«Я думаю о том, что мне нужно накопить как можно больше денег к тому моменту, когда меня выпустят из детского дома, – начала писать я. – Потому что я знаю, что у меня будет стипендия пять тысяч рублей. И начнут платить ее только в сентябре. А мне нужно будет как-то жить целое лето. И на пять тысяч прожить очень трудно. Я знаю, мне рассказывала Вера. Вера – это моя подруга, кажется, я писала... Я могу ей рассказать все, так же, как и вам...»

Некоторые зовут своих шефов на «ты», как будто это их родственники, ведь родственников зовут на «ты», как я своего папу, но я Анну Михайловну не считаю своей родственницей.

«Вера выпустилась два года назад, и сначала у нее было все хорошо, а потом пошло как-то не так...»

Я подумала и зачеркнула последнюю фразу. Потом подумала еще и разорвала письмо. Зачем шефу знать о Вере? И не думаю, что стоит писать ей о деньгах. Она же не может никак мне помочь. Не имеет права. Мне вообще никто не может помочь. У папы денег нет совсем. Он прислал мне телефон полгода назад в подарок на день рождения, вот это был сюрприз! Завидовали все – и те, у кого нет телефонов, и те, у кого есть, потому что они привыкли быть исключительными. А тут еще у кого-то появился телефон! И папа кладет мне каждый месяц сто

рублей на телефон, но их ненадолго хватает. Если я продам на рынке грибы или ягоды, я сама себе кладу деньги. Но зимой приходится просто ждать, когда придет долгожданное сообщение о том, что и у меня теперь есть связь с внешним миром. Мне звонит Анна Михайловна, иногда звонит Вера из города, даже однажды звонила папина жена, когда он болел, и предупреждала, чтобы я ничем его не тревожила, у него болит голова и сердце. Хотя я и так стараюсь ничего плохого ему не говорить.

Когда однажды мне разбили голову, случайно, целились не в меня, а я просто попала под руку, полезла куда не надо, и он мне позвонил, я только рассказала ему новый анекдот про евреев – он почему-то очень любит анекдоты про евреев, хотя сам совершенно русский человек, и они к нему отношения не имеют. Он смеялся, а я сидела и смотрела на себя в окно, как в зеркало, и было видно, как намокает и намокает кровью повязка на голове. Я хотела ему сказать, но не нашла слов, слишком много пришлось бы объяснять и рассказывать. К тому же, если подумает, что у меня плохой детский дом, он переведет меня в другой, как родственники перевели мою лучшую подругу Тасю, и мы потеряли связь, у меня тогда еще не было телефона, и я теперь не знаю, как ее найти. Может быть, она есть ВКонтакте, но наверняка под каким-то вымышленным именем, как делают все у нас.

Кому охота писать, что ты никому не нужный Илья Сироткин, да еще из заброшенного детского дома! Худой, некрасивый, прыщавый, с клочками бороды на лице, которую брить неохота и больно, – кожа и так воспалена. Сироткин ненавидит свою фамилию – ведь она настоящая, его родителей, которые так пили, что Илюху у них забрали и отправили в детский дом, чтобы мальчик не сгорел случайно или не погиб от голода у родителей-алкоголиков. Но ведь у них уже была такая фамилия! Значит, сироты и раньше были у них в роду. И поэтому Илья в Сети – Джонни Дэпп. А моя подруга Тася, полненькая, милая, не очень уверенная в себе, может быть, Анжелика Джоли или Натали Пфайффер.

Когда папа приезжал, он много рассказывал о том, как выплачивает кредит, как зимой в самый холод работал на бензоколонке заправщиком и ему ничего не заплатили, как много денег нужно на лечение моего младшего брата, которого я никогда не видела.

Я верю папе, потому что он плохо выглядит, невысокий, бледный, не худой, но не крепкий, а просто полноватый, с редкими волосами, и совершенно не похож на богатого человека, каких показывают по телевизору. Да и в городе мы иногда видим хорошо одетых людей на чистых сверкающих машинах, которые зачем-то приезжают в такую даль, может быть, на экскурсию, рядом есть старинный монастырь с чудотворной иконой. Надежда Сергеевна говорила нам, что, если у кого есть тайная мечта или надежда, нужно попросить у этой иконы, и мечта исполнится.

Все, разумеется, стали просить, чтобы нас туда отвезли в ближайшее воскресенье, я помню, как мы обсуждали, кто что попросит: чтобы родители нашлись или сбежали бы из тюрьмы и резко разбогатели, или вдруг появились бы хорошие, добрые и богатые опекуны или приемные родители. Но пока до того монастыря мы так и не доехали. Я бы, наверно, не стала просить о приемных родителях. Я бы попросила коротко: «Помогите мне не пропасть». Я думаю, если кто-то действительно слышит наши просьбы, он поймет, что я имею в виду.

До обеда оставалось три часа. Я сделала два номера по алгебре, самых сложных, посмотрела остальное и закрыла тетрадку. Хорошо бы найти быстро грибы, добежать до города, и если их сразу купят, то я бегом успевала к обеду. А пропустить обед, тем более в воскресенье, когда могут дать даже курицу, я бы не хотела. Поэтому я отложила письмо, которое начала писать второй раз – закончить можно и вечером, – как раз в голове появятся какие-то еще мысли, другие, не только про деньги.

Грибы нашлись быстро, пять подберезовиков и, на мое счастье, несколько крепких, не червивых белых. Однажды мы набрали с ребятами белых грибов и принесли их в столовую,

целую корзину. Наша повариха дала нам три ножа и показала, как чистить ножи. Ножи дали не всем, только двум старшим девочкам и мне, потому что я ответственная и спокойная. И я помню, как начала счищать ножку у корешка, а бело-коричневая мякоть гриба на моих глазах стала розоветь, зеленеть, пошла красивыми фиолетовыми, красными, синими полосками... У других девочек в руках тоже, как по волшебству, самые обычные грибы стали преображаться в фантастические, словно из сказки.

Мы сравнивали, у кого грибы красивее, всё почистили и принесли кастрюлю тете Тане, нашей поварихе. Та увидела грибы и всплеснула руками: «Да вы что, с ума сошли? Это же сатанинские грибы! Ничего себе!» Она не поленилась сфотографировать их на телефон и потом выбросила все в помойку, приговаривая: «Ничего себе! Вот отравились бы, было бы весело!»

Она говорила совсем не такими словами. Но когда-то давно Надежда Сергеевна научила меня:

– Ты переводы в голове всю ругань на обычный, хороший язык. Как будто они говорят на каком-то другом языке, а тебе обязательно нужно это перевести на нормальный. Не оставляй в голове эти слова.

– Почему? – удивилась я.

– Чтобы не привыкать к ним. Иначе потом просто не сможешь по-другому говорить.

И я научилась слышать то, что хотели сказать, а не то, что сказали. Постепенно это даже стало интересно. Я часто понимаю не только то, что хотел сказать человек, который ругается, но и что хотел скрыть человек, который врет или специально говорит не то. Вот мне Веселухин говорил недавно, когда я отказалась идти с ним гулять за территорию: «Пошла ты вон! Ты никому больше не нужна!» И даже не так говорил, а грубее, гораздо грубее. Но я видела по его глазам, по тому, как побелели его губы и как он злился, – он хотел сказать, как ему обидно, что я отказываюсь и отказываюсь.

Например, Алёхина не отказывается с ним целоваться и оставаться долго вечером вдвоем в подсобке с инструментами, куда обычно ходят все наши парочки, даже, бывает, очередь устанавливается. Я сама не видела его там, но Лерка всем трепала, что точно знает. А теперь и еще одна малявка лезет с ним целоваться (вот это все уж видели), хотя ей только двенадцать исполнилось. И вот Веселухин то с одной, то с другой, а другая в то время или плачет, или всем рассказывает, какой он придурок, а потом снова бежит к нему.

А я не хочу идти с ним в подсобку и напоказ целоваться, да и вообще, я, что, буду по очереди с Алёхиной и малявкой? Поэтому он пытается сказать что-то обидное, не думая о том, что через неделю снова придет ко мне и начнет с веселых слов, анекдотов, принесет сухарики, шоколад... Тем более что завтра я его увижу в школе, как обычно.

Сейчас я набрала настоящих белых грибов, я научилась отличать их от сатанинских, тем более те растут только в одном месте, ближе к заброшенной делянке. Когда-то здесь жили староверы, как рассказывала нам Надежда Сергеевна, и у них было целое хозяйство. Они жили в лесу, прятались от людей и вырубали потихоньку деревья. Там низкое болотистое место, и растут эти красивые и страшные грибы.

Когда я шла в поселок, то впереди увидела наших, возвращающихся обратно. Хотела сначала спрятаться, но потом передумала. Лерка, завидев меня, дико захохотала:

– А вот и ВДВ! Что, отдохнула? С нами не пошла, теперь одна поперлась, крысятница?

Она так смело говорила, потому что шла не одна и хотела выпендриться. На самом деле у нас нормальные отношения, просто она стала такая грубая, когда ее бросил парень. Он выпустился в мае, уехал в город и ни разу не позвонил Лерке, не приехал и даже не отвечает на сообщения. И она как будто озверела. Девчонки говорят, что так бывает, когда привыкаешь жить с парнем, а он тебя бросает. Девчонки, как правило, говорят больше всего о таком. И еще бывает с такими подробностями, которые мне неприятно слушать. Ведь к некоторым вещам очень трудно подобрать слова. Получается грубо и отвратно, и потом противно смотреть на

мальчиков. Но это мне. Некоторые девочки, наоборот, краснеют от удовольствия, смеются без остановки и начинают сами липнуть к ребятам.

Я на «крысятницу» ничего не ответила. Зато Веселухин, который шел рядом с Леркой и смотрел на меня, как обычно в последнее время, прищурившись и сжав губы, неожиданно толкнул Лерку, да так, что она чуть не упала в кусты, и сказал:

– Заткнись, Баярова!

У Лерки такая странная фамилия, потому что ее привезли откуда-то из Средней Азии, только она не помнит, откуда. Длинное название города и нерусское.

– Чё? – полезла на него Лерка, но как-то быстро успокоилась.

– Грибов полно, – спокойно объяснила я. – Хочу продать по-быстрому и денег на телефон положить. – Я вполне могла бы Баяровой ничего не объяснять, но я сказала это не для нее, а для остальных, мне из-за Лерки портить отношения со всеми не нужно.

– А чё ж тебе отец денег разве не положил? – тут же задралась Лерка.

– Нет, у меня телефон второй месяц не работает. Ты же знаешь. Сама ко мне прибежала, просила... Помнишь?

Лерка все бегала ко мне звонить своему парню. Мой номер почему-то у него не определялся. И он отвечал «Ало», а услышав Леркин голос, бросал трубку, но она успевала ему что-то крикнуть. Или «Козел!», или «Лёша, послушай, я тебя люблю!».

– Ладно! Не продолжай! – махнула она рукой.

– Я к обеду приду! – сказала я. – Тетя Таня сказала, сегодня курица будет.

Я прибавила шагу и услышала, как меня кто-то догоняет. Кто-то! Кто мог меня догонять, если не Паша Веселухин. Я посмотрела на его раскрасневшееся лицо.

– Ты как-то похорошел, – сказала я. – Бриться стал, что ли?

Веселухин вспыхнул еще больше.

– Да, а что? Плохо?

– Да нет, я же говорю, лучше стало.

И прыщей меньше. Но этого я говорить не стала. Не то чтобы мне жалко Веселухина, но я точно знаю, что есть вещи, которые лучше не произносить вслух. Иногда это довольно неожиданные вещи. Например, вот сейчас – про усы и бороду, которые явно еще не выросли, но мешали Веселухину, когда клочками пробивались на лице. Он стал их брить, я похвалила его, а он растерялся. Значит, про это тоже не нужно говорить.

– Давай понесу грибы, – он взял у меня пакет.

– Неси, но он легкий.

– Ты можешь меня свободной рукой обнять, – хотел пошутить Веселухин.

Я посмотрела на него так, чтобы он понял, что шутка его не очень удалась.

– Ну, как дела? – спросил Паша.

– В смысле? – улыбнулась я.

– Ну-у... вообще... как живешь?

– Веселухин, ты что? Мы с тобой каждый день сто раз видимся. И в школе, и так. Живу нормально, хорошо.

– А-а... Ясно...

Мы немножко прошли молча. Я заодно смотрела на обочину – вдруг еще увижу грибы, но останавливаться, искать времени уже не было, только если на ходу.

– Хочешь анекдот? – спросил Веселухин.

– Давай.

– Пришел один мужик в магазин. А там водки нет... Вот он и говорит: «И паленой тоже нет?» Продавщица говорит: «Нет». А он спрашивает... – Веселухин замолчал. – Ну, в общем...

– Паш, ты чего? Забыл, что дальше, что ли?

– Ага... – Веселухин остановился, довольно небрежно бросив на землю мой пакет с грибами, и неожиданно подступился ко мне, пытаясь обнять.

– Тебе гормоны в голову ударили, да? – я негрубо, но решительно отодвинула его руки. – Ты же вчера в подсобке с Алёхиной куролесил.

– Откуда ты знаешь? – красный то ли от ярости, то ли еще от чего-то, Веселухин тяжело дышал и снова тянулся ко мне с распахнутыми руками.

– Паша, успокойся. Ничего не будет, понятно? Ты за этим за мной в поселок увязался? – Я спокойно подняла пакет, заглянула в него. – Вот ты дурак, а! Я грибы собирала, а теперь половина сломанная!

– Я тебе положу денег на телефон, – быстро заговорил Веселухин, – положу!

– Да? А откуда у тебя деньги?

– Не важно! Есть! Сопру! Сейчас хочешь, на спор?

– Ой! – Я отмахнулась. – Уж с воришкой я точно обниматься не буду, ясно? Так, все. Или ты спокойно со мной идешь, анекдоты рассказываешь, или я иду одна. Я хочу к обеду вернуться. А ты возвращаешься в свой гарем и выбираешь, с кем ты сегодня будешь кувыркаться.

– Да я... Да мы просто...

– В шахматы в подсобке играете, да? – засмеялась я.

– И чё, ты вообще не ревнуешь? – удивился Паша.

– Мальчикам лучше не вдаваться в такие нюансы психологии. Все равно не поймешь. У вас мозги тупее. Ревную – не ревную... Паш, не останавливайся на каждом шагу, что ты смотришь, не видел меня никогда, что ли?

– Нет. Не замечал, что ты такая...

– Паша! – Я даже подтолкнула слегка Веселухина, который опять столбом встал на тропинке. – Пойдем быстрее, пожалуйста!

Мне, конечно, по-прежнему немножко нравился Веселухин, но еще больше он меня теперь раздражал. Или даже не раздражал, а вызывал такое чувство, какое бывает, когда тебя угощают старыми конфетами. Так бывает иногда. Берег-берег человек свои конфеты, прятал где-то, а они стали старые и затхлые. И есть их больше невозможно. Откусишь один раз, потом долго во рту этот привкус.

Но говорить о таких сложных своих чувствах я Веселухину не стала. Мне кажется, мальчики вообще примитивнее и в чувствах ничего не понимают. Иначе они бы так странно себя не вели.

Веселухин притих и шел молча, только недовольно сопел и пару раз сказал:

– Зачем я только с тобой пошел?

– Вот именно, – пожала я плечами.

Но он продолжал идти рядом.

Грибы мы продали быстро и все, даже несмотря на то, что несколько самых больших и лучших грибов сломались, когда Веселухин швырнул пакет в лесу. Мы разделили их на несколько кучек, и половину почти сразу купила женщина из города. Я вижу этих людей, они чем-то отличаются от наших поселковых. Вроде и одеваются все похоже... Похоже, да не так. Она была с девочкой, наверно, моего возраста.

Веселухин быстро оглядел их и пробурчал:

– Зачем им наши грибы? Буржуи...

Сказал он не так, а очень грубо, поэтому я сильно пихнула его локтем.

– Ты чё? – удивился Веселухин. – Больно же.

– Ненавижу мат. Или заткнись, или уходи.

– Ладно, – неожиданно покладисто согласился Паша. – Чудная ты... Ладно, не буду. А зачем им грибы?

– Суп варить, Паша. Что, если они, как ты выражаешься, буржуи, они суп не варят? Слово-то какое откопал...

– Ну а как сказать?

– Не знаю... – Я смотрела на маму с дочкой, которые покупали у соседних продавцов бруснику и последнюю в этом году зелень.

Девочка как будто почувствовала мой взгляд и обернулась. Я посмотрела еще немножко и первая опустила глаза. Я ей завидую, я понимаю это. У меня хватает смелости сказать себе это. Как только сказала, сразу стало легче. Или я это придумываю, или точно помню, что меня учила так мама.

Мама и Надежда Сергеевна совсем были непохожи внешне. Мама – изящная, стройная, невысокая, всегда с аккуратным пучком светлых волос. А Надежда Сергеевна – рослая, с крупными плечами и ногами, рыжеватая, больше похожая внешне на учительницу физкультуры, чем русского и литературы. Но чем-то внутренне они были очень схожи. По крайней мере, я часто не могу понять, кто из них меня чему-то учил. Вроде помню и мамини слова, точно помню, а вроде и помню, как Надежда Сергеевна оставалась в классе после уроков, я сидела с ней или не сидела, а вытирала доску, переворачивала стулья, а она мне что-то рассказывала, говорила именно такими словами, как мама... Не знаю теперь. И никто уже не скажет. Ни той ни другой уже нет.

– Что? – Мама девочки обернулась и посмотрела туда, куда смотрела дочь. – Что ты там забыла? Хочешь еще что-то купить?

– Нет... – девочка покачала головой и снова посмотрела мне прямо в глаза. – Хотя... Мам, давай остальные грибы купим... – она говорила негромко, но я прислушивалась, мне было интересно.

– Куда нам столько грибов?

– Мам... Потом объясню...

Я все поняла.

Когда они подошли, ответ у меня был уже готов.

– Остальные грибы сколько стоят? – спросила мать девочки, открывая кошелек. – Это две или три кучки?

– Остальные я обещала другому покупателю, – ответила я и даже прикрыла их рукой.

Веселухин удивленно посмотрел на меня:

– Ты чё? – тихо прошептал он. – Какому покупателю?

– Молчи, – так же тихо проговорила я.

– Жалко... – Женщина кивнула, сразу отвернулась и отошла, а девочка смотрела на меня так, как будто все поняла.

И мне от ее взгляда... Нет, унижительно мне не было. Но... Почему так в жизни бывает? Она могла бы сойти за мою сестру. Даже причесана так же. И одета похоже, только у меня чьи-то обноски, а у нее тоже не новые, это видно, но свои и хорошие вещи. Да и не это главное. Рядом с ней – ее мать, которая не даст ее в обиду, которая всегда будет ее любить.

Когда они отошли, Веселухин опять спросил:

– Руська, ты что? Почему ты не продала им грибы? Шли бы сейчас уже домой, а так торчать здесь...

– Не торчи, кто тебя заставляет? Ты не понял ничего. Девочка просто нас пожалела, убогих. Из милости хотела купить все грибы и выбросить потом. Зачем ей столько грибов?

– А тебе не все равно?

– Нет. Я не хочу, чтобы меня жалели.

Веселухин с интересом посмотрел на меня. Очень хотел что-то сказать, я видела это, но не нашелся что. Встал, размялся, как мужичок, помахал руками, почесал поясницу и сел обратно. Наверно, он все-таки не мой человек. Хотя временами и кажется мне очень симпа-

тичным, даже красивым. Мама говорила, что папа в юности тоже был очень симпатичным. Я маленькой видела фотографии молодого папы, но сейчас у меня их нет, и я не помню, как выглядел папа раньше. И я как-то не верю – неужели симпатичный человек может так сильно измениться и стать таким обрюзгшим, бледным?

– Это белые? – спросил кто-то.

Я подняла глаза. Вот этого не хватало. Рядом с нами стояли два сержанта полиции. Сейчас отнимут все и еще в детдом позвонят.

– Это сатанинские, – ответила я.

– В смысле? – удивился один из них, который был потолще. – Какие-какие?

– Сатанинские, – повторила я. – Несъедобные. Ядовитые.

– А зачем же ты их продаешь?

– Для... поделок, – сообразила я и наступила на ногу Веселухину, на лице которого сейчас можно было прочесть все. И как он удивлен, и как ему смешно, и какая классная кобура у полицейских... – Некоторые люди покупают. Из них получаются хорошие поделки. Когда засыхают.

– А-а...

Второй уже оглядывался на кого-то еще на рынке, а первый почесал голову под фуражкой, протянул было руку, хотел взять один гриб, но передумал.

– И почему ты это продаешь? – с подозрением спросил он.

– Да недорого. Пятьдесят рублей кучка.

– Детдомовские они! – вмешалась женщина слева, которая привезла на рынок убитого и освежеванного кролика и все никак не могла его продать. Он уже стал подсыхать и желтеть. Просто она хотела продать его слишком дорого.

– Детдомовские? – полный сержант как-то подозрительно на нас посмотрел и хотел еще что-то спросить, да в это время его позвал его товарищ, и полный, все оглядываясь, поспешил к нему.

– Ну ты даешь... – Веселухин покачал головой. – И красивая, и умная...

Я от неожиданности открыла рот. Теперь уже я не знала что сказать. Я – красивая? Если бы не грибы и не полицейские, я бы и не узнала этого. Я – красивая... Вот это да. Каким местом, узнать бы? Вот разве что у меня прыщей нет и перхоти, и волосы никогда не пачкаются и слегка выются, и ноги длинные, мне часто бывают коротки брюки, которые нам присылают, трудно подобрать. А так – что у меня красивого? Глаза обычные, нос обычный, все никакое, обычное, губы не пухлые, не как у Алёхиной или Анжелины Джоли... Алёхина, правда, специально губы вперед выдвигает, чтобы быть взрослее, от этого у нее все время такой странный вид, как будто она показывает слоника. Но я, даже если выдвину вперед губы, они у меня пухлее не станут. И губы я не крашу. У меня есть помада, я купила, но когда я накрашенная, у меня какой-то глупый вид. Не взрослый, а глупый. Поэтому я пока не крашусь.

Какие же мальчишки смешные! То молчат, то анекдоты дурацкие рассказывают, а то такое скажут... Они так не умеют хитрить, как мы.

– Але, народ, вот вы сейчас грибы продадите, а купите что? Сигареты? – вдруг спросил какой-то подошедший мужчина.

– Нет, – неожиданно за меня ответил Веселухин. – Курить – здоровью вредить. Руся сама не курит и другим не разрешает, да, Руся?

Я посмотрела на Веселухина. Хорошо, что он увязался за мной. Столько о себе узнала! А еще больше о нем, о Паше.

– Да, Веселухин. Если вам интересно, – перевела я глаза на странного мужчину, – я скажу: я пойду и заплачу за телефон, когда продам грибы.

Мужчина засмеялся и пошел прочь. Что было подходить, не понимаю.

Но остальные грибы у нас все равно скоро купили, и мы побыстрее отправились обратно.

Я хотела сказать Веселухину, чтобы он не вздумал больше лезть ко мне в лесу, но не успела. Он взял молча меня за руку, сжал ее и сказал:

– Извини.

– За что?

Веселухин ничего не ответил. Не знаю, что бы было дальше, но тут я впереди увидела очень неприятную компанию. Этого только не хватало. Я знаю этих ребят. Двое из них иногда приходили к нашим старшим мальчикам, тем, кто уже выпустился. С ними были еще и два таджика, которые летом работают у местных дачников, а зиму как-то пережидают на заброшенной ферме.

– Паш... – Я резко остановилась. – Не будем связываться, хорошо?

– Я не боюсь! Я...

Веселухин, конечно, хотел показать, что он мужчина и мне с ним не должно быть страшно, но я даже не стала слушать, дернула его за руку, развернула и побежала обратно, в сторону поселка:

– Бежим! Не договоришься с ними!

Не зря я бегаю пять кругов по утрам вокруг территории с мальчиками. Бегают, конечно, не все. Трое маленьких, которые до детдома занимались где-то спортом, и двое постарше. Иногда с нами и Веселухин бегают. Но все они ленятся, постоянно бегают только двое маленьких, остальных надо уговаривать. Сейчас мы припустились так, что я чуть не потеряла телефон. Те, кого я испугалась, наверно, не успели ничего понять. Но они-то нас не знают, а я знаю, как они ранней весной избили наших ребят в лесу. И все знали, что это они, а не доказали. Наши тогда в полиции что-то мямлили, растерялись, толком не могли ничего рассказать. А новая директор решила не раздувать скандал вокруг детского дома. Ей сказали: «Чем тише у вас, тем дольше вас не закроют. А закроют – всех раскидают по разным местам, вам это надо?» Мне точно не надо. Я хочу дожить здесь, где мне все понятно, и я знаю, что делать дальше. Я пока не уверена, что у меня получится, но я очень хочу этого...

Когда мы вернулись, нас, точнее, Веселухина уже ждала Даша Алёхина. Она стояла, облокотившись о поручни старого крыльца нашего главного корпуса, одноэтажного, как и все остальные строения. Даша смотрела на Пашу со сложным выражением и напомнила мне какую-то известную картину русского художника девятнадцатого века, только я не смогла вспомнить, какую, она была у нас в учебнике по литературе.

Веселухин, чем-то очень довольный, нисколько не обращая внимания на Дашу, негромко сказал мне:

– Я еще с тобой пойду, ладно?

– Чем ты так доволен? – удивилась я. – Вроде не целовались, денег тебе не перепало от грибов, пришлось драпать от этих...

– Ты не поймешь! – засмеялся Веселухин, и я подумала, что, когда он смеется, он еще симпатичнее, чем обычно. И тут же одернула себя. Вот есть же такие мальчики, которые имеют успех, несмотря на свои прыщи, неразборчивость в девочках и наглость. Может быть, из-за наглости и имеют успех. Жаль, не с кем об этом поговорить. Иначе придется обсуждать подсобку, то, что там происходит, и так далее.

Я решила первым делом позвонить Вере. Иногда она звонит сама, но последнее время реже. Верин телефон оказался заблокирован. Наверно, опять поменяла номер. Теперь нужно ждать, что она сама позвонит и скажет: «Вот мой новый номер, только никому его не говори, хорошо?» Это значит, за ней опять кто-то гоняется. Вера – очень красивая.

Когда я попала в детский дом, Вера сразу взяла надо мной опеку, и мне это помогло. Мне было плохо, я переживала о маме, не могла привыкнуть, что ее больше нет, все время плакала, просыпалась утром и не могла понять, где я, а когда понимала – то не хотела, чтобы было так,

хотела вернуться туда, где была мама, где был мой дом, моя кровать, мой столик в углу, мои книжки, где у меня все было. Но Вера всегда приходила ко мне еще до завтрака, заставляла вставать, спрашивала, что мне снилось, причесывала меня, не разрешала плакать. И мне было очень хорошо с ней.

Когда она выпустилась, то сначала даже приезжала, скучала о ребятах, обо мне. Но к нам же ехать очень трудно, поэтому постепенно она стала только звонить и писать сообщения. Интернет у нас провели только этой весной, но Веры ВКонтакте нет. Да и к компьютеру надо очередь занимать, у меня в телефоне Интернет плохой.

Вера поступила, как и все, в строительный техникум, на маляра. Но учиться ей там, естественно, не нравилось. Она познакомилась с каким-то восточным человеком по имени Али и стала с ним жить, в комнате, которую он снимал. Али обещал Вере на ней жениться, как только он получит российское гражданство, но тут неожиданно приехала его жена из Дагестана, о которой он Вере ничего не говорил, и Вере пришлось уйти обратно в общежитие. А когда она ушла, то обнаружила, что беременна. Она звонила мне, плакала, говорила, что не должна мне всего этого говорить, что я еще маленькая, но мне уже исполнилось тогда четырнадцать лет и даже сразу дали паспорт, поэтому я внимательно выслушала Веру и сказала ей:

– Если ты сделаешь аборт, у тебя может больше никогда не быть детей. А если не сделаешь, то совершенно непонятно, как ты будешь дальше маяться в семнадцать лет с ребенком. Выбирай.

Вера мне на это ответила, что ей совершенно непонятно, кто из нас старшая подруга, и потом долго мне не звонила. Через два месяца я сама ей дозвонилась и узнала, что она теперь живет у какого-то молдаванина, который строит дачи и ремонтирует квартиры в городе. Мне неудобно было спросить, что она решила с ребенком. Но она сама мне сказала, когда ушла от этого молдаванина, что он оказался грубым и пьющим человеком. Вера рассказала, что сделала аборт у очень хорошей женщины, совсем недорого, и что она теперь знает место, где можно избавляться от беременности. И всем подружкам будет советовать эту женщину.

Я смотрю, как живет Вера, и так не хочу. Она-то еще ничего, а некоторые сразу спиваются или попадают в тюрьму. Когда едешь к нам, то есть развилка, на ней две надписи: налево – исправительная колония, направо – детский дом. Многие наши выпускники, выйдя из детского дома, месяца два-три поболтаются в городе, а потом напрямик – в колонию. За какую-нибудь ерунду. Украдут кусок колбасы в магазине и банку пива. Их поругают, если добрый охранник попался, и отпустят, а если злой, невыспавшийся, работает в трех местах «сутки-трое» и нигде толком не спит, то он их раз – и в полицию. А там уже знают – детдомовские, значит, лучше сразу посадить. Если начали воровать, то и дальше будут.

Вот как легко Паша сказал, что на спор украдет деньги, чтобы мне понравиться. Наверно, уже пробовал. Или слышал, как мальчики старшие всегда хвастались, может, ввали, а может, и правда. Откуда тогда у них деньги на пиво и на водку? Старшеклассники почти все пили. Сейчас мы стали самыми старшими, хотя у нас не всегда возраст и класс соответствуют. Например, в восьмом классе есть мальчик, которому шестнадцать лет. А я в девятом, хотя мне только весной будет пятнадцать.

Но Вера не плохая и не ворует, и пока была в детском доме – не пила, я никогда от нее запаха не слышала, а я же все запахи очень хорошо чувствую. Вера просто очень добрая и доверчивая. Если ей человек что-то скажет, она сразу верит. Вот как она могла поверить этому Али или сразу пойти жить к молдаванину, который не только ее избил, но и отобрал ее сапоги, которые она почти на всю стипендию себе купила. Зачем только ему Верины сапоги – непонятно. Может, у него тоже есть жена, как у Али, придет сейчас к нему, а он – с подарками ее встречает, с Веринными сапожками.

Чтобы поступить куда-то еще, кроме строительного техникума, нужно хорошо учиться. Я учусь лучше всех среди наших, но все равно чувствую, что очень мало знаю и умею. В онлайн-олимпиаде зимой я несколько задач решила, я в некоторых даже не поняла, о чем речь. Так же и в биологии, географии, тем более в английском или химии. Я не знаю, где мне брать книги, учебники, и вообще не знаю, с какого конца подступаться. Если бы была жива Надежда Сергеевна, она бы точно сказала, как мне готовиться к институту. Однажды в нашей новой школе, куда нас возят на автобусе, я подошла к учительнице, которая показалась мне самой приятной из всех, и попросила дать какие-нибудь дополнительные пособия.

– Ты что? – удивилась она. – Зачем тебе это?

– Я хочу... Просто хочу больше знать.

– Ладно, принесу, – пообещала она, но ничего не принесла, а стала как-то ко мне придираться.

Я понимаю, что наших не любят в городе, в поселке и тем более в школе, куда мы теперь ездим. Наши мальчики ругаются матом, пьют, прогуливают, плохо учатся. Девочки сильно красятся, тоже ругаются и уж точно учиться не хотят. И все равно это несправедливо. Не могу найти слов, не знаю, почему несправедливо, ведь они правы – те, кто нас не любит, но чувствую, что это так.

* * *

– Руся, тебе пришло письмо? – ко мне в комнату заглянула моя маленькая подружка Люба, веснушчатая, очень милая девочка. Она всегда ждет почту, ей иногда пишет бабушка, но очень редко и путано. Но она все равно радуется и прыгает, когда ей приходит письмо.

– Не знаю, не видела еще.

– А мне не пришло...

– Иди сюда, у меня для тебя есть кое-что... Только оденься походи, почему ты в одной майке?

Люба послушно побежала в свою комнату за кофтой, а я быстро стала соображать, что же мне ей такое дать. Конфет не осталось. Печенье я все как раз доела. Когда ходили в поселок, Веселухин успел купить сухарики, но сам же их и съел. Точнее, половину съел, а половину рассыпал, когда показывал, как он умеет балансировать, стоя на одной ноге с пакетиком на голове. Ну что, что дать Любе? Ничего нет, обманула ребенка. Я быстро нарисовала на листочке симпатичную девочку с такой же прической, как у Любы, и написала: «Моя лучшая подружка Л.».

Когда Люба вернулась, я протянула ей листочек, она разглядела его, засмеялась, а я усадила ее рядом с собой, обняла и поцеловала, как сделала бы старшая сестра.

Люба замерла и прижалась ко мне. Она мне не родная и... как будто родная. По-настоящему, по крови, у меня родной только папа, но когда он меня целует, я не чувствую ничего, только слышу его запах – знакомый и всегда чужой. Не знаю, почему я так это ощущаю. Чужой. Другой. Какой-то не тот, какой должен быть у моего папы. Я его вижу, радуюсь, спешу к нему, а подойду и – нет... не то. Не знаю, отчего это.

Я помню мамин запах, его ни с чем не спутаешь, иногда он мне снится. Во сне мама обнимает меня, гладит по голове, а я чувствую ее запах, родной, теплый, мамин запах. Мама часто меня целовала – и перед сном, и утром, и просто так. Обнимала и говорила: «Какое все-таки чудо, что ты у меня есть! Я даже не знала, что бывают такие чудесные девочки!» Я вспоминаю эти слова, когда мне становится одиноко. Смотрю на других детей и понимаю, что вовсе не всем когда-то говорили такие слова. Значит, мне еще повезло.

Люба доверчиво потерлась о мое плечо головой и погладила меня.

– Ты будешь моей сестрой, да?

Я облегченно вздохнула. Мой человек, точно. Не конфеты главное.

– Я тебе уже как сестра, ты же знаешь. У меня тоже такая есть сестра, Вера, я тебе рассказывала, но она уже взрослая и живет в городе. К сожалению, у меня все сладости закончились.

– Да я не хочу!

Люба – удивительный ребенок. Она маленькая, но иногда бывает умнее, чем тот же Веселухин.

После нашей прогулки в поселок Паша несколько дней загадочно на меня поглядывал, и на уроках, и после, но не подходил. Написал смс: «Ты меня любишь». Именно так, без вопросительного знака. Я ответила: «Это вопрос?» На что Веселухин послал мне несколько разных смайликов с восклицательными знаками, расшифровывать это послание я не стала. Ведь можно и словами сказать. А если нечего сказать, то зачем писать?

Я думала – ну что он еще придумает, что? А он взял и вышел вечером во двор в обнимку с Алёхиной. И все на меня смотрел, ждал, что я скажу. Я сначала хотела ничего не говорить, как будто не замечаю, – но я же не слепая! Тогда я подошла к ним и сказала:

– Паша, я рада, что ты успокоился и определился. Алёхина тебе больше подходит. И по уму, и вообще. По врожденным способностям. – Я бы могла сказать и откровеннее, но не стала.

Алёхина глупо захихикала, потому что она правда глупая девочка, хуже всех учится и еле читает в тринадцать лет, а Веселухин посмотрел на меня долгим взглядом, не придумал, что сказать остроумное или обидное, и отвернулся. Хорошо, что не выругался. Обычно, когда мальчики не знают что сказать, они матерятся.

Я позвала Любу, которая стояла с маленькими девочками и наблюдала эту сцену, и пошла с ней прогуляться вокруг территории. Скоро пойдут дожди, и уже не погуляешь. Я люблю гулять и люблю природу. Иногда я думаю – может быть, я поэт? Ведь это поэты любят природу. Но я вроде не пишу стихов. Пробовала, но не получается. Выходит неумно и очень на что-то похоже. Но ведь у нас никто не ахает, как красиво осенью, или когда выпадает первый снег, или когда в апреле появляется первая зеленая краска в бесцветном мире. И не только не ахает, но как будто и не замечает этого. А я замечаю и очень люблю. И если я не поэт, то кто?

Люба мне что-то рассказывала, я слушала ее, смеялась, а сама думала: как же мне повезло, что у меня есть Люба. Если бы не она, мне бы сейчас было очень одиноко и обидно. Отчего – непонятно. Никаких планов на Веселухина у меня нет. Ну... почти нет. Я понимаю, что их не должно быть. Чтобы не врать и потом не взрываться оттого, что сама себе наврала, я скажу – конечно, он мне нравится. Особенно теперь, без лохмотьев на лице. Нравится и противен одновременно. Так может быть?

Любу привезли этой зимой, и она, как и я когда-то, сначала совсем не хотела жить в детском доме, плакала, не ела ничего. Я попробовала, как Вера, помочь ей. И у меня получилось. У Любы родители погибли в автокатастрофе в Египте. Люба должна была поехать с ними, но перед самым отъездом заболела, и родители полетели отдыхать одни, а Люба осталась со старым дедушкой. Но когда родители погибли, Любу дедушке не оставили, потому что он сам старый и за собой плохо ухаживает, а тем более уж не может растить девятилетнюю девочку.

Когда я смотрю на некоторых детей, мне иногда кажется, что они совсем ничего не понимают. Может, те, кто рос в доме малютки, действительно, многое понимают как-то не так. Но Люба по уму почти такая же, как я. Только меня уже трудно обмануть, а ее очень легко. Но когда у ребенка есть старший товарищ, его меньше обижают и обманывают, я это знаю по себе. За Верой всегда увивались мальчики, и как-то само собой выходило, что если кто-то задирался ко мне, с ним шла разбираться Вера, а за ней следом плелись ее ухажеры, к которым она относилась несерьезно. Она все ждала, что встретит «нормального» человека. Вот и встретила...

И я так же защищаю Любу, за мной, правда, никто не плетется, так, только издалека посматривает Веселухин, но Любу дети особо не обижают. А отбирать у нее нечего – ей никто

ничего не присылает, и шефа у нее нет. Я как-то написала Анне Михайловне, своему шефу, не хочет ли она взять еще одного подопечного, даже послала ей Любину фотографию (это было не так просто сделать с нашими техническими возможностями, а точнее, невозможностями). Но Анна Михайловна сдержанно ответила мне, что шефство – дело тонкое, и просто так она не может взять еще одного ребенка.

Не знаю, может, Анна Михайловна и переживает обо мне, и думает, и это занимает ее душевные силы... Мне это трудно понять. Но мне кажется, что писать одно письмо в месяц и присылать два раза в год очень небольшие подарки не так сложно. Хотя, конечно, есть люди, у которых у самих нет лишних ста рублей. Например, как у меня сейчас. Я бы писала сама Любе письма, подписывалась бы... – не знаю, пусть даже своим настоящим именем Елена Николаевна. И Люба бы никогда не догадалась, что это я, почерк у меня отличный, и пишу я практически без ошибок, не хуже, чем Анна Михайловна. Но я не уверена, что правильно смогла бы ответить Любе, если бы она меня спросила о *той* жизни. Той, которая не здесь. Я иногда смотрю фильмы и понимаю – у нас все немножко по-другому. Очень похоже на то, как мы однажды смотрели очень страшный сериал про тюрьму. Конечно, у нас не так страшно, но... бывает похоже.

А еще я не могу сама писать Любе, делая вид, что я ее шеф, потому что шефы по правилам присылают нам подарки. Это может быть книга или что-то для учебы, или же что-то из одежды, но только недорогое. Такое, что будет моим и только моим. Анна Михайловна объясняла мне как-то в письме, что у меня сейчас ничего нет, и я не знаю, что такое «мое». Но она немножко ошибается. Я знаю, что такое «мое». И когда его отнимают.

У меня был мой дом, была моя мама, были мои собственные игрушки и книги. Сейчас – это правда – у меня, кроме телефона и еще нескольких вещей, ничего нет. Дети, когда выпускаются из детского дома, уходят в чем есть. Все вещи принадлежат детскому дому, переходят другим. Только если тебе лично что-то подарили и написали это директору, ты можешь это взять. Даже то, что ты, например, нашел по дороге (и такое бывает), принадлежит не тебе, а детскому дому. Все – общее.

Что есть лично у меня, кроме телефона, который прислал мне папа:

1. Мамина фотография.

2. Мамин шарф, который мне очень идет, но его ни с чем не оденешь, потому что не с чем, он слишком нарядный. Однажды я надевала его на Новый год.

3. Книга Даниэля Дефо «Робинзон Крузо», которую прислала мне Анна Михайловна.

Мне не очень понравилась книга. Не знаю почему, но мне было ужасно грустно и скучно ее читать. Грустно, потому что по одиночеству там похоже на мою жизнь, только у меня все-таки веселее. А скучно, потому что почти нет любви, дружбы, чувств. Мне больше нравится, когда в книгах пишется про чувства. Но книгу я в нашу библиотеку не отнесла, потому что еще мне кажется, что я тоже в каком-то смысле как Робинзон, у меня ведь произошло в жизни кораблекрушение, и мне надо выжить и учиться делать то, что мне с мамой никогда не пришлось бы делать, если бы она была жива.

У нас было очень много книг дома. Наверно, их все продали вместе с нашей квартирой. Мама часто читала вечером, сидя с ногами в кресле, я любила садиться около нее и играть. Я это очень хорошо помню. И помню, как она читала мне, каждый день, перед тем, как я засыпала, пока я не научилась сама читать. Отлично помню эти книги, и когда у меня будет свой дом, я обязательно их куплю.

4. Кошелек. Я купила его в поселке и попросила завхоза записать, что это мое личное. Кошелек, кстати, совсем необязательная вещь. Деньги можно держать в кармане, даже лучше.

5. Щетка. Я взяла ее из дома, когда меня забирали. Я плакала постоянно, плохо помню это время вообще, но отчетливо помню тот момент, когда поняла – вот все, сейчас я уйду и больше никогда не приду в свой дом. Хотя мне говорили женщины, которые пришли за мной:

«Не переживай, не переживай, ты же сюда вернешься». И вот я в тот момент хотела взять что-то такое... из дома. Взяла куклу, мамину щетку для волос, коричневую, с перламутровыми цветами на ручке, и маленькую синюю собачку, которая стояла у мамы на туалетном столике. Собачка потом разбилась, она была стеклянная.

Как же я теперь жалею, что не взяла, например, мамины духи. Хотя, может, их бы у меня отобрали в детском доме, как отобрали и сломали куклу. Или не взяла какую-то еще вещь, не ценную, но на память. Хорошо, что я, уходя, взяла из шкафа и повязала мамин шарф вместо своего. Яркий, нарядный, мама надевала его в школу на праздники.

Это все мои вещи. Остальное всё временное. Даже трусы! Если ты из них вырастаешь и они не рваные, их надо постирать и сдать Зинаиде, нашему завхозу. И она их распределит той девочке, которой они подойдут по размеру.

Анна Михайловна обычно присылает мне тоже временные вещи, которые заканчиваются, – ручки, красивые тетради, закладки для книг. И еду – конфеты, печенье. Однажды прислала необыкновенную коробочку, на которой было написано «рахат-лукум». Я даже ахнула! Настоящий рахат-лукум, о котором столько написано в восточных сказках! Побystрее открыла коробку, чтобы у меня не отобрали старшие, попробовала конфету и была очень разочарована. Это и есть тот знаменитый рахат-лукум? Какие-то резиновые подушечки с запахом духов, посыпанные сахарной пудрой. И я со спокойной душой протянула коробку тому, кто первый добежал, чтобы угоститься.

На самом деле есть много способов сделать так, чтобы у тебя ничего не отнимали. Съесть сразу. Но может стать плохо. Так уже не раз с нашими бывало. Пришлет что-то шеф или родственники (у некоторых, как и у меня, они есть), человек быстро откроет посылку и все сразу натолкает в рот. Потом может быть заворот кишок, отвезут в больницу. Поэтому это не лучший выход.

Еще можно прятать. Прячут все. Мест много, вокруг лес – когда тепло, можно даже закопать. Хотя маленьким и не разрешается выходить за территорию одним, но все всегда выходят. Но закопанное могут съесть лесные мыши или кроты, так тоже бывало. Человек прятал-прятал от других людей, а съели животные. Но я думаю, иногда для животных не жалко, а некоторым людям – и хорошо, что не досталось. А если вовремя не выкопать и пойдут дожди – тогда уже вообще никому не достанется.

Можно, конечно, дружить с теми, кто отнимает, тоже выход, но плохой. Мне не подходит. Отнимает, например, Лерка. Пройдет по малышам, всё у них возьмет, сразу съест, потом ходит затрецины всем раздаст или ищет по мальчишкам сигареты, сама не покупает никогда, деньги на другое нужны. У мальчиков потребностей меньше, им не нужно покупать косметику и всякие женские приспособления для удобной жизни, они только сигареты, спиртное и сухарики покупают, если у них вдруг появились деньги. С Леркой я точно дружить не буду, даже если она перестанет отнимать у других еду. Мне с ней будет скучно. И от нее воняет табаком, а я просто ненавижу плохие запахи.

Я решила ответить, наконец, на письмо Анны Михайловны, потому что она уже несколько раз присылала мне сообщение с вопросом: «У тебя все хорошо, Руся? Почему ты ничего не отвечаешь, не пишешь?» У нее есть какая-то логика. Ведь она может позвонить, я не думаю, что это очень дорого, может быть, даже входит в обычный тариф, наш детский дом не на Камчатке и не на Урале. Всего 360 километров от Москвы, сама же Анна Михайловна живет в Москве. Правда, последние 150 километров проехать невозможно, нет дороги, но к телефону это не имеет отношения.

Да я и не знаю, бедная или богатая Анна Михайловна, об этом не надо спрашивать. Некоторые спрашивают своих шефов. Но мне кажется, на этот вопрос очень трудно ответить пра-

вильно. То, что для одного бедность, для другого – богатство. И к тому же завтра у тебя жизнь может все отнять, и так бывает.

Иногда Анна Михайловна мне звонит, даже два раза в неделю. А иногда только пишет, я не могу понять, в чем тут загадка. Может быть, потому, что по телефону говорить как-то неловко. Ведь я ее никогда не видела, и она меня.

Анна Михайловна сразу стала называть меня Русей, как и остальные. Из всех знакомых взрослых только папа называет меня Леной. В новой школе меня стали звать по фамилии, это удобнее, мою фамилию сразу запоминают, мне говорят, что это редкая фамилия. Мама звала меня Ленуся, и мое прозвище мне нравится, потому что чем-то похоже на это имя.

«Анна Михайловна, здравствуйте, – начала писать я, пользуясь тем, что в комнате, где нас живет двенадцать человек, сейчас было только трое. Когда все собираются, ничего спокойно уже не сделаешь. – У меня все хорошо. В школе я получила две пятерки, две четверки и написала контрольную, пока не знаю как. Думаю, нормально, все решила. Отношения с детьми из города у нас не получаются. Они над нами смеются, мы плохо одеты, у нас старые телефоны, нет Интернета, мы не знаем некоторых особых слов – ими пользуются дети, которые много времени проводят онлайн. А наши мальчики в ответ сразу начинают страшно драться. Одному городскому мальчику выбили зуб и сломали плечо, причем не тому, кто смеялся, а другому, кто просто попался под руку. Теперь наших мальчиков могут отправить в колонию, если родители того ребенка не заберут заявление. Я видела драку, было очень страшно, я пыталась их разнять, как и некоторые другие, но было невозможно, они просто как будто с ума сошли. Хорошо, что никого не убили. Наших тоже побили, но у наших, как на собаках, все зажило, наш директор как раз тоже хотела написать заявление, но у них только синяки остались, желто-зеленые, и быстро прошли.

Спасибо за конфеты, очень вкусные. Ручка удобная, если можно, в следующий раз пришлите черную, контрольные работы разрешают писать только черной ручкой.

Я пытаюсь готовиться к экзаменам. Понятно, что многие завалят экзамены – какая им разница, в строительный техникум их все равно возьмут, там люди нужны. Хотя и туда нужен аттестат, а его теперь просто так не выдают, нужно хотя бы на тройки сдать. Но я хочу сдать экзамены хорошо. Очень не хватает книг, пособий. У нас теперь есть Интернет, но к компьютерам всегда очередь. Мы договорились: каждый сидит по полчаса, но, конечно, никто этого не соблюдает. Я, как одна из старших, могу согнать малышей, и часто приходится это делать, потому что они в Интернете совсем ерундой занимаются и не по возрасту, у нас стоят какие-то ограничения, но я не знаю, на что. Наши мальчики смотрят вообще все что захотят. Я даже вам не могу описать что. Но они у нас очень взрослые, вы знаете. Так что для них там – школа жизни. И в смысле вопросов секса, и еще как драться так, чтобы сразу наповал.

Вот, на этот раз я, кажется, очень откровенно все пишу, как вы и просили. Именно обо всем этом я и думаю».

Про Веселухина я писать не стала. Да, я о нем думаю. Но есть же у меня запретная территория, на которую вход всем воспрещен.

* * *

– Ты Брусникина? – Незнакомая девочка повернулась ко мне.

Неделю шли дожди, и мы не ездили в школу, сидели дома. А за неделю в школе столько всего успело произойти! Подрались старшеклассники из одиннадцатого, теперь школа разделилась на два лагеря: одни были за тех, другие за других, а я не знала, за кого быть, потому что совсем непонятно, кто прав, кто виноват по перевернутым рассказам. И причина драки непонятна – то ли из-за девочки, то ли из-за того, что один другого заложил учителю.

Потом еще в школу приезжал губернатор, не из-за драки, конечно, просто чтобы посмотреть, как идут дела. У нас в области такой губернатор, что он часто ездит на фермы, на предприятия, а не только на охоту и за границу, как другие. И обычно приезжает неожиданно, чтобы никто не успел подготовиться. Нашего директора предупредили по секрету, но только накануне. Поэтому ничего покрасить не успели, лишь ночью помыли двери, стены, окна и почистили дверные ручки во всех кабинетах и даже петли, директор вызывала родителей. И теперь школа светилась и сверкала.

Губернатор подарил нам огромный экран, который поставили на первом этаже, и все до изнеможения спорили, что это. Телевизор или компьютер. Или ни то ни другое, а электронная доска. Или вообще что-то непонятное. Но пока он стоял не включенный.

Но главная новость для нашего класса – это, конечно, новая девочка. Да еще какая! Высокая, симпатичная, с пышными рыжевато-каштановыми волосами. Она села на свободное место, а свободных парт оказалось несколько, нас же неделю не было. А из наших в девятом классе четверо: я, Веселухин и еще двое ребят. Алёхина, к счастью, учится еще в седьмом. А то бы Веселухин совсем не учился, разрывался бы. А так он посмотрит-посмотрит на меня, поймет, что бесполезно, и даже иногда что-то делает на уроках. Хотя чаще скучает.

Еще у нас должна учиться Лерка, но ее временно оставили на второй год в восьмом классе, пока она не сдаст контрольные за прошлый год. Официально сейчас никого не разрешают оставлять на второй год, тем более наших – ведь тогда человека придется еще год держать в детском доме. И Лерка толком не ходит ни в восьмой, ни в девятый. Часто просто болтается в городе, с кем-то знакомится, ходит по магазинам, примеряет какие-то вещи, на которые у нее денег нет, пока ее не выгонят продавщицы, тогда она идет в какое-нибудь кафе и там доедает недоеденное, так, по крайней мере, рассказывают. Но я не очень верю. Меня бы стошнило доедать за кем-то, тем более нас же кормят три раза в день, невкусно, но кормят, и мы не такие уж голодные. Но Лерка, как известно, странный человек и брошенный, может быть, у нее другая психология, и насчет обiedков ей не так обидно.

Новенькая выбрала мою парту, где я иногда сижу одна, иногда ко мне подсаживается Веселухин, на некоторых уроках – Гоша, тоже из наших. Но я Гошу сразу гоню, потому что он много курит. Веселухин или не курит – такое бывает, я слышала, что некоторые даже не пробуют курить, у них какой-то антеникотинный ген, как у меня, наверно, или курит очень мало, потому что я никогда его не видела с сигаретой, а у нас что-то утаить в детском доме почти невозможно.

Четвертый человек вообще очень странный, это Артем, он не аутист, но что-то в этом роде. Он всегда один. Его пробовали бить, дружить с ним, не дружить, все бесполезно. Он ни с кем никогда не разговаривает, так, скажет два слова и молчит, отворачивается.

Из городских ребят с нами никто не садится. На переменах мы можем с ними общаться, но чаще держимся вместе с младшими. Дашка прибегает к Веселухину, ко мне приходит Люба, остальные тоже как-то прибиваются, чтобы не быть по одному, так и спокойнее, и веселее.

– Я – да, Брусникина, – тихо ответила я девочке. – А ты?

– Я – Маша. А тебя зовут Руся? Какое интересное имя.

– Олейникова! – одернула ее учительница, как раз та математичка, Серафима Олеговна, которая обещала мне пособия, но не принесла. – Не начинай с плохого! Ты мне мешаешь! Ты уж раз села с ними, веди себя как нормальный человек!

– А не как они! – кривляясь, договорил Песцов, высокий, всегда очень хорошо одетый мальчик. Он бы был красивым, если бы не огромные голубые глаза навывкате, которые делали его похожим на омуля. Есть такой мультфильм, его наши малявки смотрели раз сто, потому что нам подарили такой диск. Там главный герой – добрый старый омуль. Вот Песцов похож на него, только он молодой и всегда раздраженный.

– Спасибо, Аркадий, мне адвокаты не нужны! На пятерку так не заработаешь! – математичка не любит самоуверенного Песцова и в принципе не любит никого, кроме толстой Лизы, которая отлично решает все квадратные уравнения по алгебре, а ответ по геометрии знает еще до того, как я прочитала задачу до конца. Наверно, у нее такой талант. По сравнению с Лизой Серафиме все кажутся тупыми, особенно мы. Она даже злится, что я учусь лучше остальных наших, потому что ей так удобнее: детдомовские – тупые, на них внимания вообще обращать не нужно, им (то есть нам) дорога на стройку или в колонию.

Девочка улыбнулась мне, и я неожиданно вспомнила, где ее недавно видела. Это она была с мамой на рынке, где мы с Веселухиным продавали грибы. Точнее, я собрала и продавала, а он увязался за мной. Они хотели у нас все купить, сообразив, что мы не от хорошей жизни грибы принесли на рынок, а мне это как-то не понравилось. Я еще тогда подумала, что они городские – настоящие, не из нашего городка. Что-то другое в них. То ли они свободнее, то ли проще носят хорошую одежду, то ли как-то необычно доброжелательны и отстранены одновременно.

Я еще раз внимательнее взглянула на свою новую соседку. Не думаю, кстати, что она долго задержится на этом месте. Просто пока не сориентировалась, не поняла, как тут у нас и что. Девочка тем временем стала решать задачу, и я обратила внимание, как чудно она держит ручку. Чудно! Потому что она левша. Значит, немножко не такая, как все. Наш Артем, который ни с кем не общается, – тоже левша. И еще есть левша в детдоме, маленькая рыжая девочка, которую привезли в прошлом году, ее все время бьют и обижают даже младшие дети, она никак не может ни к кому пристать или как-то сама защищаться. Поэтому мне левши кажутся немного неполноценными. Точнее, казались. Маша – точно хорошо учится, я это поняла по первой же задачке. Она быстро решала, не задумываясь, ни на секунду не останавливаясь, и подняла руку:

– Здесь нет ошибки? Мне кажется, не будет решения. Не может быть отрицательного ответа.

Математичка ужасно не любит, когда ее уличают в ошибке. Или пусть не ее саму, пусть авторов учебника. Лучше сделать вид, что никто не заметил ошибки, иначе потом у нее настроение испорчено на весь урок, и она будет бубнить, ругаться, наставит плохих отметок. Мне, в принципе, все равно, какие у меня оценки, от этого ничего не зависит. У нас не хвалят за пятерки и не ругают за двойки и тройки. Но я не люблю получать незаслуженные двойки.

– Да? – Серафима, скривившись, стала вчитываться в задание. – Ну... может быть. А ты что, Олейникова, раньше решала это? В старой школе вы уже проходили эту тему?

– Да нет. – Маша опять улыбнулась, не обращая внимания на Серафимин раздраженный тон, и я обратила внимание, какая у этой девочки приятная улыбка. – Просто нашла ошибку. Я права?

– Права, права... Еще тебя на мою голову не хватало... Мало мне умников и дебилов... Одни ничего не хотят, другие умнее всех... Что, Аркадий, тебе конкурентка пришла? Не будешь уже самым умным? Если не считать Лизы...

Серафиме иногда как будто доставляет радость взять и сравнить всех в классе – отличников с двоечниками, отличников между собой, домашних с детдомовскими. Она начинает говорить нарочно, лишь бы кто-то заорал от возмущения или треснул кого-нибудь – ведь Серафиму не треснешь. И ведь она при этом не злая. Я могу отличить злого по природе, по сущности своей, от нормального человека. Так вот, Серафима – нормальная, просто любит яркую жизнь, конфликты на пустом месте, наверно, ей без этого скучно – годами одни и те же формулы, графики, одни и те же ошибки и тяжелые темы, которые в результате не знает никто, а сдавать должны все, причем на положительную оценку.

После алгебры Маша не ушла со всеми остальными, а осталась с нашей компанией. Я не стала ничего говорить, но Алёхина, прибежав, как обычно, и увидев рядом с Веселухиным новую девочку, тут же к ней задралась:

– Тебе чё надо? Вали давай!

– Даш, Даш... – Веселухин попытался урезонить свою подружку, но та только разошлась, видя, что никто ее не поддерживает.

– Нет, ну а чё? Это кто такая?

– Это новенькая, успокойся! – сказала я. – Маша, давай отойдем в сторону, я тебе все объясню.

– Объясни, объясни! Давай, давай, откуда такая взялась, пришла еще, кому ты тут нужна, пришла... – завелась Алёхина, и очень мне напомнила нашу повариху, которая старше Дашки раза в три или больше, но точно так же заводится и никак не может остановиться. В это время у нее могут гореть котлеты или макароны, трещать, дымиться в кастрюле, а она бубнит и бубнит, ругается и ругается: «Пришли, сидят, жрут, никак не нажрут, не наготовишь на вас, жрут, жрут... Чтоб вас разорвало когда-нибудь!..» Руки в боки встанет, живот вперед, и говорит, говорит. Потом устанет и уйдет. А все уже сгорело.

Веселухин послушал-послушал Дашку и тоже поплелся за нами, широко загребая ногами, за ним – Гоша, за Гошей – Артем. В результате Алёхина осталась одна, попробовала уцепиться за Веселухина, чтобы он задержался с ней, но он только стряхнул ее руку с рукава и сказал:

– Дура! Ты мне рукав порвешь!

Наверно, ему было интереснее с новенькой. Или со мной.

– Ты откуда? – спросил Веселухин.

– Из Москвы, – ответила Маша.

– Что, из Москвы уехали, чтобы тут жить? – удивился Гоша.

– Ну да, разве так не бывает? – засмеялась Маша.

– Не бывает, – покачала я головой. – Что тут интересного? Все, наоборот, в Москву всегда едут.

– А что в Москве интересного?

– Ты чего? – Мальчики наперебой заговорили, как маленькие, пытаясь доказать, что они в курсе про все – и про Москву, и вообще – про клубы, про машины, про разное, о чем они сами толком не знают, слышали или видели по телевизору...

Они учатся со мной в одном классе, Веселухин даже старше, ему уже давно пятнадцать исполнилось, но они как будто младше меня на несколько лет. Говорят глупости, не понимают очевидных вещей, могут сами себя выставлять в дурацком свете.

Маша не смеялась над ними и как-то совершенно спокойно слушала глупости, которые они говорили, как будто даже с симпатией.

– А правда, почему вы переехали? – спросила я.

– У нас здесь бабушка... – Маша нерешительно остановилась. – Она...

Вообще-то лучше не рассказывать ничего такого, чем потом тебя же могут и пнуть. Наши – народ жестокий, а уж домашних точно никто жалеть из нас не будет.

– Ясно, – побыстрее сказала я.

– Да, и просто мама давно хотела переехать куда-нибудь в маленький город, хотя бы на пару лет, пока мне не поступать в институт.

– Здесь тоже можно учиться! – заржал Веселухин. – На маляра!

– Паш... – я пихнула его.

– А чё? Мы же пойдем...

– Ты пойдешь, а другие не пойдут.

– Кто это другие? Ты, что ли? Ну-ка, ну-ка, и куда ты будешь поступать?

– В военное училище, отстань!

Маша смотрела на нашу перепалку, а мне не то чтобы было стыдно, нет. Веселухин ведь свой, все равно он мне ближе, чем незнакомая домашняя девочка, но... Мне вдруг на миг захотелось быть с ней. Не с нашими. И не захотелось, чтобы она пересела завтра к кому-то еще.

После уроков наши все побежали на автобус. А я задержалась, собирала рассыпанные карандаши. Собирала и думала – ехать обедать или взять в столовой хлеба и не ехать. На улице похолодало, идти потом на занятие пешком, спешить, и обратно потом еще возвращаться.

– Ты что, не едешь со всеми? – спросила меня Маша.

– У меня занятия.

– Да? – Маша заинтересованно посмотрела на меня. – А чем ты занимаешься?

– Рисованием и танцами.

– Здорово. Я, может, тоже на танцы пойду. Я в Москве занималась. А с рисованием у меня не очень. А сколько стоят занятия, не знаешь? – Маша спросила и осеклась.

– Для нас бесплатно, поэтому я не знаю, – спокойно сказала я. – А вообще, кажется, тысяча в месяц, как-то так.

– Дорого... – протянула Маша. – Но я спрошу у мамы.

Интересно, ей это действительно дорого, или она специально сказала, зная, что у меня-то вообще денег нет?

– Ты пойдешь в столовую обедать? – спросила она.

– Да, наверно... – как можно небрежнее ответила я. Не говорить же, что в детском доме нас бесплатно кормят обедом, а здесь не рассчитаешься, дорого очень?

– А хочешь, к нам пойдем? Я только сейчас маме позвоню, предупрежу.

– К вам?.. – Я замямлась. – Не знаю...

Да, я хотела пойти, я тут же заставила себя признаться. Иначе меня начало бы взрывать, я знаю такое. Врешь себе, и самой становится плохо, неприятно, тягостно, пока не признаешься: да, я боюсь. Или – да, мне нравится Веселухин, нравится, как он смеется, как ловко ловит мяч на физре, как смотрит на меня – нравится, и мне обидно, что он запирается с Алёхиной в подсобке, что она потом виснет на нем, но я с ним в подсобку не пойду. Почему? Пока себе честно не могу ответить, сама не понимаю, наверно.

– Пошли! У нас точно что-то есть на обед, хотя бы суп есть наверняка. Мам, – Маша чуть отвернулась с телефоном. – Можно, я с девочкой из класса приду? А ты нас покормишь? Хорошо. Пойдем, – обернулась она ко мне.

– Нет, я, наверно, не пойду.

– Почему?

Это сложно объяснить даже себе, а уж Маше – невозможно. Почему? Потому что я не хочу себя чувствовать нищенкой, детдомовской, так, наверно. Хотя наши девочки очень любят заводить романы с домашними мальчиками. С ними интереснее во всех отношениях, они не такие ужасные, как многие наши мальчики. Каждый день моются, хорошо, чисто одеты, умненькие, не так тупо шутят, многие вообще не матерятся.

– А кем работает твоя мама?

– Мама? Переводчик, она переводит и научные статьи, и сказки.

– С английского?

– Нет, с венгерского.

– С венгерского? – удивилась я.

– Ну да, – Маша улыбнулась. – Очень редкий язык.

– А ты можешь что-нибудь по-венгерски сказать?

– Я? – Маша улыбнулась и посмотрела на меня удивленно и – нет... не то чтобы снисходительно, но так, как я смотрю на Любу. – Я не знаю венгерского, это очень трудный язык... – дружелюбно объяснила она.

Мне от ее милого дружелюбия стало совсем неловко, и я побыстрее спросила:

– А что же она здесь будет делать?

– Да то же, что и в Москве. Переводить. Все ведь можно по Интернету. Перевела, отослала материал, вот и все, деньги получила. Она и в Москве дома работает.

Я обратила внимание, как Маша сказала «работает» и не поправилась. Я уже поняла – ее бабушка болеет, они из-за нее сюда приехали и уедут, когда та поправится. Но я не стала ничего говорить и спрашивать.

– Пойдем, – Маша взяла меня под руку. – Это удобно, не переживай! У меня очень хорошая мама.

– Я помню, – кивнула я.

Маша удивленно на меня посмотрела.

– Я же видела вас на рынке. Мы с Веселухиным грибы продавали. А вы с мамой у нас их купили.

– Это была ты? А мне казалось, девочка младше была...

– Я. И Пашка.

– А то-то мне казалось – все ребята как будто знакомые в классе. Просто я вас раньше видела, точно! А вы... – Маша осеклась.

Что, интересно, она хотела спросить? Часто ли мы торгуем на рынке? Или какие у нас с Веселухиным отношения?

– У нас романа нет, – поспешила объяснить я.

– Да? А мне кажется, он так на тебя преданно смотрит.

– Преданно? – засмеялась я. Такое неожиданное замечание. Говорит как будто по-русски, но на другом языке. Из наших никто бы так не сказал, мысль не пришла бы такая в голову.

– Да, преданно и с восхищением. Ты просто не видишь.

Зато я вижу другое, могла бы сказать я, но не стала пугать Машу подробностями нашей жизни. Для домашних детей многое из того, что происходит у нас, – просто другой мир.

Например, несколько дней назад окотилась наша кошка, которая живет в столовой и ловит мышей. Несколько девочек из седьмого класса взяли котят и понесли в поселок. Там одного, белого-белого, на рынке все-таки продали, остальных никто покупать не хотел, они их бросили на дороге. Жалко было, но все равно наша повариха грозилась их утопить. А так – выживут как-нибудь. Мы ведь выживаем. Потом девчонки на вырученные деньги купили какую-то дурь, траву, накурились и ночью им было так плохо, что воспитатели вызвали «скорую», девчонок забрали в больницу, положили под капельницу. А нас всех наказали.

У нас такое правило: если кто-то один провинится, неважно – украдет что-то и об этом узнают, напьется, будет курить в открытую или нюхать дурь, – наказывают всех. Отбирают телефон и не пускают в город ни под каким видом, даже на занятия. Кроме меня, еще несколько человек занимаются в школе дополнительно. Веселухин с мальчиками ходит на футбол, девочки – на рукоделие, рисование и танцы вместе со мной. Я сначала не могла выбрать между рукоделием и рисованием, но рисовать оказалось интереснее, чем шить фартуки и панамки.

Маша взяла меня под руку.

– Пойдем, расскажешь мне заодно, что у вас за система с подсчетом оценок. Я слышала, математичка говорила...

Я покорила – довольно необычное для меня состояние. Обычно я делаю так, как хочу. Наверно, просто я сама хотела с ней пойти.

Дом Машиной бабушки оказался очень старым, хотя на вид еще крепким, даже симпатичным, с хорошим большим садом, в котором сейчас несколько яблонь были еще обсыпаны яблоками, поздними, значит. У нас на территории уже все яблоки упали, и мы их давно съели.

Машина мама вышла с нами поздороваться, довольно внимательно на меня взглянула. Что она, интересно, скажет, когда узнает, кто я? Что детдомовские – не лучшая компания для ее дочери?

– Привет, – сказала Машина мама.

– Мам, это Руся.

– Какое интересное имя. А полностью – Руслана?

– Нет, – засмеялась я. – Полностью Елена Николаевна. Просто фамилия Брусникина.

Мы с Машей прошли на небольшую кухоньку, заставленную банками, склянками, кастрюлями, и сели было за стол.

– Нет, – Машина мама покачала головой. – Давайте пойдем в комнату, здесь холодно, да и не для гостей как-то.

– А бабушка? – Маша вопросительно посмотрела на маму.

– Бабушка спит, я ей лекарство дала.

Я не стала спрашивать, что с их бабушкой, но мне показалось, что они как-то напряженно переглянулись.

В гостиной тоже было довольно много совершенно ненужных на вид вещей. Несколько кресел, разные стулья, два стола, этажерки, комоды. В углу стояло черное пианино. Точно такое же, как когда-то было у нас. Иногда на нем играла мама, а раз в неделю ко мне приходила учительница и учила меня играть.

Я подошла к пианино. Оно было старинное, действительно, похоже на наше, с выдолбленным узором над клавиатурой, витыми ножками. В детском доме у нас тоже есть пианино, но другое – коричневое и совсем сломанное, у него выбито несколько клавиш. Я обернулась на Машу:

– Можно открыть?

– Да что ты спрашиваешь! – засмеялась Маша. – Открывай, конечно! Ты умеешь играть?

– А ты?

– Я – нет.

– Я училась немного... – Я осторожно нажала на клавишу.

– Сыграй что-нибудь! – сказала Маша.

Я попробовала вспомнить начало красивой пьесы, которую учила в год, когда умерла мама. Мама болела всю зиму, лежала в своей комнате и просила меня: «Ты занимайся, ты мне совсем не мешаешь, мне, наоборот, нравится, когда ты играешь».

– Нет, ничего не помню. – Я закрыла крышку пианино. – Я давно уже не играла, не занималась.

Машина мама вошла в комнату с фарфоровой кастрюлей супа в руках, как в фильмах про старинную жизнь.

– Ты играешь на пианино? – улыбнулась она мне. – Садитесь за стол. Машуня, приборы доставай. И рассказывай, как день прошел. Машка все мне рассказывает, – объяснила она. – Ты тоже, наверно, родителям все рассказываешь? Садись, что ты стоишь, не стесняйся.

Я кивнула и села поближе к Маше.

– Вы вместе сидите, да? – спросила Машина мама, разливая ароматный суп.

Я вообще-то не люблю супы, потому что тетя Таня очень невкусно их готовит. Я не понимаю, что там плавает, какие-то переваренные ошметки, мне кажется, она кладет в суп все подряд, все, что не доели вчера. Я лучше съем просто макароны с хлебом, но суп ее никогда есть не буду. Так нормальная еда не пахнет, все же по запаху можно понять. Я помню мамины супы, я их ела с аппетитом и очень любила. Куриный с тоненькой вермишелью, темный густой борщ, фасолевый, чечевичный, щи из квашеной капусты, рассольник, овощной. Я по запаху всегда угадывала, что готовила мама. У нас была такая игра: я с закрытыми глазами нюхала

кастрюльку с только что приготовленной едой и говорила, что там. Печенка в сметане, тушеное мясо с черносливом, кабачки, рис, если суп, то какой.

Пора сказать Машиной маме, что я из детского дома. Мне очень этого не хотелось. Но так получалось нечестно. Я знаю, что многие родители недовольны, если их дети дружат или даже просто общаются с нашими. Некоторые родители требуют, чтобы мы отдельно обучались, чтобы классы разделили на две половины, по восемь-десять человек. Потому что наши плохо влияют на домашних детей. То есть я тоже могу плохо повлиять на Машу.

– Что ты задумалась? – спросила Машина мама, видя, что я не ем. – Ты не ешь гороховый суп? У меня Машка тоже капризничает, супы вообще не ест. А я варю, потому что это самая нормальная еда. Ты тоже наверняка дома капризничает, да?

– Я – из детского дома, – ответила я. – У нас повариха очень невкусно готовит. Все несоленое.

Машина мама молчала, и я от растерянности продолжала говорить, хотя понимала, что это никому не нужно:

– Многим нельзя острое и жирное, у них диетический стол, и она готовит на всех без соли и без масла.

Машина мама посмотрела на Машу. Маша, не понимая реакции матери, переводила глаза с нее на меня.

Ну что, вставать и уходить? Пока меня не выгнали, как однажды выгнали Веру. Она мне рассказывала, когда я была еще маленькая. Ее пригласил мальчик к себе домой. Родители усадили ее за стол, Вера очень милая и всегда была самой красивой девочкой в детдоме, они стали ее кормить, расспрашивать, кто она и кто ее родители. Вера и рассказала, что у нее есть и мама, и папа, только папа в тюрьме, а маму лишили родительских прав за пьянство. Нашим очень важно всегда, что есть где-то родители. Я тоже сразу всегда говорю, что у меня есть папа. Не знаю, это как-то важно. Словно есть кто-то, кто может тебя защитить в случае чего. Я знаю, что от моего папы толку никакого, и все равно. Так Веру тогда быстренько выпроводили прямо из-за стола и больше к тому мальчику не пустили.

– Из детского дома? – переспросила Машина мама.

И я совершенно не поняла, с какой интонацией она это сказала.

– Мам, а что такого? У нас в школе много детей из детского дома...

– Ты мне не рассказывала, Маша.

– Мы не ездили в школу, потому что шел дождь, – поспешила объяснить я, – и было не проехать. К нам очень трудный подъезд.

– Ясно.

– Таня! – услышала я тяжелый хриплый голос откуда-то из глубины дома. – Таня! Сюда иди, ко мне!

Машина мама подхватила и, бросив на Машу выразительный взгляд, быстро побежала из комнаты.

– У бабушки плохо с головой, – сказала Маша. – Мама не разрешает мне так говорить, но это правда.

– А почему?

– От старости, – пожала плечами Маша. – Так бывает.

– Ужасно, – искренне сказала я. – А раньше она нормальная была?

– Раньше – да.

– И что теперь делать? Вы из-за этого переехали, да?

– Ну да, она одна не может жить теперь. Ничего не понимает. Газ не выключает. Может лечь спать, все открыть – двери, окна все, мерзнуть... Маму жалко. Она так переживает. А поделать ничего невозможно. Врачи говорят, что можно отдать бабушку в дурку, но маме

жалко. А мне маму жалко. Бабушка тяжелая, тут как-то упала, мы с мамой вдвоем еле-еле ее подняли. И к нам она переезжать не хочет. Уперлась, и все тут.

Я с удивлением смотрела на Машу. Надо же. А на рынке они мне тогда показались такими беззаботными, такими благополучными. Покупали ягоды, грибы, смеялись, тратили деньги на какую-то ерунду. Зачем, например, покупать грибы, если их можно собрать в лесу?

– А папа?

– Папа... – Маша нервно пожала плечами. – Папа решил несколько лет назад, что он молодой и бодрый, и женился снова.

– Не любишь его?

– Да нет, почему? Просто... Хотя, наверно, да – не люблю.

– У меня тоже есть папа, – успокоила я ее. – И я его тоже не люблю. Но все равно лучше знать, что он где-то есть. У нас у некоторых детей вообще никого на свете нет, ни одного человека. Это совсем страшно. Хотя от моего толку никакого нет, он приезжает раз в два года. И рассказывает, как ему плохо живется.

– А он богатый?

– Нет, что ты! – засмеялась я.

– А мой далеко не бедный, но любит приbedняться. То у него машину чуть не украли, то дом чуть не сгорел, денег маме совсем не дает, у него долги, кредиты, все время новое дело какое-то, на него нужно много денег...

– Маш, твоей маме не понравилось, что я из детского дома? Надо ей сказать, что я не курю, не пью. Она наверняка боится, что я плохо на тебя повлияю.

– Ты так взросло рассуждаешь... – Маша смотрела на меня с любопытством.

А я довольно странно себя чувствовала. Ведь я так всегда хотела попасть «в дом». Поест за нормальным столом вкусную домашнюю еду, не наши подгорелые макароны с тефтелями, которые пахнут чем угодно, только не мясом. Побывать в домашней обстановке. А сейчас мне было некомфортно. Может быть, потому что и Маша была не у себя дома, а у своей бабушки? Все вокруг было старое, несло какую-то память, а мы сидели как будто случайно здесь, среди чужих вещей. Маша привела меня в гости, но как будто не к себе.

– Какой у тебя дом в Москве, расскажи мне, – попросила я. – Я ведь тоже раньше жила в Москве, точнее, на окраине. Моя бабушка в самом центре Москвы жила, в трехэтажном доме, но потом ее дом отдали какому-то банку, а бабушка переехала на окраину, очень ругалась, ей там все не нравилось.

Маша не успела ничего ответить, вернулась ее мама, села с нами за стол.

– Ну что, все съели? Чай будем? Расскажи мне о себе, Руся.

Я начала рассказывать, и меня не оставляло странное чувство, что со мной это же когда-то было – я так же сидела за круглым столом в старой деревенской комнате, заставленной вещами, рассказывала, что у меня умерла мама, что папа живет своей жизнью, что он продал мою квартиру, что в детском доме я чувствую себя часто не в своей тарелке, хотя и живу там почти пять лет.

– Так что, дорогая моя, – неожиданно подытожила мой рассказ Маша, – вот как у детей бывает!

Я не сразу поняла, что она обращалась не ко мне.

– Чем мы тебе можем помочь? Хочешь, вещи какие-то Машкины возьми? У вас один размер, кажется.

– Да нет, что вы! Не надо мне помогать. Вещей у нас полно, нам все время присылают, собирают в Москве в школах и в церкви. Если что-то порвалось или вырос из чего-то, идешь к завхозу, говоришь: мне штаны новые нужны или свитер. И выбираешь, что хочешь. У нас очень большой склад. Бывает, что пятьдесят шапок привезут и ни одного зимнего пальто. Но у

меня все есть. И шапки, и пальто. Все хорошее. Одежда мне не нужна. Вот если только книги почитать дадите.

– Книжки? – Машина мама удивленно посмотрела на меня. – Молодец какая. А какие книжки ты хочешь почитать? Детективы?

– Почему? Нет. Сейчас... – Я поискала в телефоне список книг, который я давно уже писала себе. – Вот... – я протянула ей телефон.

Машина мама пробежала глазами список.

– А в Интернете этого нет?

– Мам... – Маша укоризненно посмотрела на мать.

– А, у тебя нет Интернета?

– Есть, но не всегда, – ответила я как можно проще и вежливее. Мне было ясно, что пора уходить, пока мне не сказали, что им срочно нужно куда-то поехать, или что сейчас придет врач к бабушке, или что-то в этом роде. – Я пойду, спасибо, у меня сейчас дополнительные занятия.

– А чем ты занимаешься? – сухо зато спросила Машина мама.

– Танцами.

– А, танцами! – Машина мама произнесла это так, как будто я объяснила, что занимаюсь курением из кальяна или стриптизом.

– И еще рисованием, – уже просто так договорила я, чтобы вежливо закончить разговор.

– Мам, я схожу, посмотрю, что там за рисование у них, хорошо? – Маша, не дожидаясь, что скажет ее мать, побыстрее надела куртку. – Может, тоже буду ходить.

– Сходи, – ответила Машина мама. – Только не думаю, что тебе это подойдет. Узнай, сколько стоит, кстати.

– Не понимаю, что такое случилось с мамой, – сказала Маша, когда мы вышли на улицу. – Она очень хороший человек. Всегда всех жалеет...

– Меня не надо жалеть, – пожала я плечами. – Она просто за тебя боится. Она же меня совсем не знает. Вдруг я буду плохо на тебя влиять. Научу курить, или пить, или воровать.

– Руся... – Маша с испугом на меня взглянула.

– Что? – засмеялась я.

– Ты как будто на пять лет меня старше, так говоришь...

– Так я и старше. Мой год в детском доме равен твоим двум.

– Откуда ты это знаешь?

– Сама не знаю. Ты маме расскажи, что моя мама была учителем литературы и русского языка. И я когда-то жила с ней, как и ты, вдвоем, до десяти лет. Ходила в театр. Ездила на море, даже за границу, в Болгарию. И каталась там на воздушном шаре. А потом все изменилось. Скажи, что я совершенно нормальная. Если бы я воровала, то не сидела бы тогда на рынке с грибами. Объясни ей. И обязательно скажи, что я не курю.

– А я пробовала, – сказала Маша. – В лагере. Только мне не понравилось. И водку даже пробовала.

– Понравилось?

– Не знаю, не поняла.

– Ну вот видишь – значит, ты можешь меня испортить! – засмеялась я.

На рисование Маша со мной не пошла, ей не очень приглянулась наша учительница, Лариса Вольфганговна. Ее трудное отчество, которое к тому же и неприлично звучит, давно заменили между собой на прозвище Вульфа. Если очень нужно произнести ее имя полностью, все зовут ее Валерьевна. Вульфа и правда на вид совершенно не художественный человек. Всегда плохо причесанная, растрепанная, с наспех затянутыми простой резинкой волосами неопределенного цвета, в синей застиранной олимпийке, с совершенно неподходящими к ее спортивной одежде яркими сережками, при этом сильно картавит, быстро и путано говорит, но

на занятиях у нее всегда очень интересно, по крайней мере, мне. Она всегда дает неожиданные задания.

Тот, кто собирается поступать в художественное училище, занимается по академической программе – рисует головы и кувшины, и обязательно, чтобы была правильная тень, но таких у нас только двое. А остальные рисуют то осеннее настроение, то иллюстрацию к сказкам, то Вульфа просит нас перерисовывать какую-нибудь знаменитую картину. Причем можно перерисовать как можно точнее, а можно – в своей манере, это уж кто как хочет.

Мне нравится иногда по-своему рисовать, а иногда я пытаюсь как можно точнее повторить великое произведение. Из этого, разумеется, ничего не получается. И потому, что я не знаю многих секретов мастерства, а главное, чтобы получилось великое произведение, нужно его выстрадать, даже портрет, – так, по крайней мере, говорит Вульфа.

Но сегодня у меня рисунок как-то не заладился. Мы рисовали на свободную тему. Я еще в прошлый раз набросала осень, просто красивый осенний пейзаж. Сфотографировала на телефон одно место недалеко от детского дома, как раз перед лужайкой, где растут белые грибы. Я начала в прошлый раз рисовать золотую, красивую осень, а сегодня она у меня как-то стала меняться в коричнево-серую. Быстро из сентября перешла в ноябрь, поздний и мрачный.

Я посидела-посидела, порисовала, да и ушла, не стала дожидаться Веселухина и Гошу с футбола. Я не люблю ходить одна из школы, это страшно, можно напороться на какую-то плохую компанию, и поэтому я пошла на остановку автобуса. Есть пара водителей, которые с нас денег за билеты совсем не берут. Сегодня оказался как раз один из них, и я с комфортом доехала до поворота к детскому дому, а оттуда уже не страшно и не долго идти, километра два всего по широкой просеке.

Я шла, смотрела на краснеющие и желтеющие деревья, на осыпающиеся листья, на улице к вечеру резко похолодало, и как-то мне было холодно и нехорошо на душе. Я понимала, отчего это. Сегодня был такой бурный день. В классе – новая девочка, она села со мной, я даже побывала у нее дома. Маме ее я не понравилась, и мама имеет право бояться – я все это понимаю, не знаю как, но понимаю. И все равно мне было очень обидно. Ведь я не виновата, что у меня так в жизни вышло. И я точно ничему плохому ее Машу не научу. Но я почувствовала себя, как будто больна чем-то, и от меня боятся заразиться. Да еще и болезнь какая-то неприличная. Как у нас болели две девочки, которые встречались со взрослыми ребятами из города. Нам даже не разрешали с ними вместе мыться одно время. Они мылись в старом душе, обычно закрытом, холодном и темном. И через день ездили к врачу, им там делали какие-то процедуры. Вот так и Машина мама смотрела на меня с брезгливостью, что ли. Да, точно. Со страхом и брезгливостью.

* * *

– Брусникина, отсыдь от Олейниковой, – Серафима сказала это с нескрываемой радостью. Ей бы только пнуть кого-то, и радостней на душе становится.

– Почему? – Маша придержала меня за рукав: – Подожди. Почему она должна от меня отсесть?

– Потому! Много будешь спрашивать... – Серафима запнулась и тут же разозлилась. – Я сказала – отсаживайся! Не нужны мне проблемы с вашими родителями! Достали! То этому пятерку натягивай, то с этим позанимайся дополнительно да еще и бесплатно, а теперь вот проблемы у нас с москвичами! И не надо было с детдомовскими садиться, разве не ясно?

– Маш, все хорошо, – я кивнула расстроенной Маше. – Наверно, мама твоя позвонила.

– Не бубни, Брусникина, не бубни, не поможет! Когда же вы, наконец, закончите девятый и пойдете заборы красить?

– Я заборы красить не пойду, – пожалала я плечами и пересела на свободную парту к окну. – Так лучше? Так я не испорчу Олейникову?

– Руся!.. – Маша посидела, опустив голову, поскребла пальцем парту, потом взяла свои тетрадки, планшет – чудо, которое она носит вместо учебников, сумку и пересела ко мне.

– Назад сядь! – заорала Серафима.

– Нормально разговаривайте, пожалуйста, – спокойно попросила Маша. – Я не привыкла, когда на меня орут.

Серафима аж задохнулась, потом подбежала к компьютеру и стала тыкать пальцем в клавиатуру.

– Да я вам обеим... Сейчас вы увидите...

У Маши тренькнул телефон. Она взглянула на дисплей.

– О, пришло оповещение. Какая продвинутая школа... Так... Двойка по алгебре и двойка по геометрии... Вы что, Серафима Олеговна? Я же не отвечала.

– Сейчас тебе еще по физике и по географии двойки нарисуют, – засмеялся Веселухин.

– И по поведению! У нас с этим быстро, – объяснила я. – Узнаешь, что вчера материлась и курила в присутствии учителя. И еще свидетели найдутся.

– Вон Песцов уже... – вставил свое слово Паша.

– Навострился, – подсказала я Веселухину, пока он не успел что-нибудь ляпнуть. Все-таки какие мальчишки у нас неразвитые. И хочет что-то сказать, а не может. Или матом, или никак. Слов не знает.

– Веселухин и Брусникина, вам тоже двойки поставить? – бодро поинтересовалась Серафима.

– Да мне как-то... наплевать, – ответил Веселухин, и я знаю, чего ему стоило не выругаться хоть как-то.

Я говорить ничего не стала, прекрасно зная, что Серафима скорее всего и Маше двойки уберет. Она вообще все делает по вдохновению. А Веселухину на двойки и правда наплевать. Но когда нас начинают унижать просто за то, что мы «низшая каста» (как было в Древней Индии, я читала об этом), Веселухин всегда пытается доказать, что мы нормальные. И чем больше он это доказывает, тем больше всем ясно, что нас надо обходить стороной. Вот и сейчас Серафима завелась.

Что ее может успокоить? Всеобщая покорность? Надо встать, извиниться – ни за что, просто за то, что мы существуем – я, Гоша, Веселухин, наш молчаливый Артем, поклониться, пообещать, что мы больше не будем – ничего не будем, вообще, сесть, опустить голову и раствориться. Но кто сможет так сделать? К тому же она приплела сюда Машу и вlepила ей двойки. Нам-то ладно, нас никто ругать не будет. А как поступит Машина мама? Может, она ее вообще в другую школу переведет? У нас есть еще одна школа, где учатся местные «мажоры», школа маленькая, платная. Одна надежда, что у Машиной мамы не хватит денег.

– Мама вряд ли поверит, что математичка мне просто так двойки поставила, без ответа, без контрольной, просто взяла и поставила, в наказание. Я первый раз с таким встречаюсь, – проговорила Маша. – С ней можно как-то бороться?

– Олейникова, если ты не замолчишь и не отсядешь от Брусникиной, у тебя за урок появится столько двоек, что ты не сможешь их исправить за весь год! – четко ответила ей Серафима.

Серафиму понять, конечно, можно. От наших много вреда. И учителя к нам еще не привыкли. Мы же только с прошлого года ездим в городскую школу. Наши, кто выпускался, еле-еле сдали экзамены, многие вообще пустые листы сдавали, ничего не смогли решить, особенно по математике. И на уроках с нами трудно, и на переменах наши стоят во дворе – курят в любое время года. Не все, конечно. Чтобы курить, нужны деньги, а они есть не у всех. Да и некоторые

пытаются учиться, я, например. Но в общем – «лучше бы вас не было! – нигде и никогда!» – это цитата из обычного монолога Серафимы. Что-то сегодня она забыла эту свою присказку.

– Пересядь лучше, – тихо сказала я Маше. – С ней бесполезно бороться. Будет вредить тебе, и всё. Пересядь. На русском вместе сядем.

Русичка у нас равнодушная, но довольно спокойная. Ей не важно, кто с кем сидит, написали, сдали изложение, и ладно. Кто как написал – его дело. Ей все равно. Как будто одних учителей ругают за успеваемость в классе, а других нет. Интересно, как на самом деле.

После математики я подошла к Серафиме.

– Серафима Олеговна, простите, пожалуйста, это я виновата. Уберите, если можно, Машины двойки из журнала, или мне их поставьте. Это я ее позвала к себе сесть. Она еще не знает, какие у нас правила.

– Не знает? – Серафима стала раздуваться, и я даже загляделась на ее неровные багровеющие щеки, похожие сейчас на что угодно, только не на человеческую кожу. – А что она знает, что она знает? Пусть родители придут, я объясню... – она еще поговорила-поговорила, потом устала и спросила: – А она хорошо в Москве училась, не знаешь?

– Думаю, да.

– Ну ладно, посмотрим. Только ты с ней не садись больше. Нужно соблюдать порядок, понимаешь?

Я кивнула, конечно, только я не понимаю, кто утвердил такой порядок. Почему мы не можем сидеть с домашними детьми. Но говорить Серафиме я этого не стала, она отходчивый человек, пока отошла, нужно с ней помириться. Ради Маши хотя бы.

– Серафима Олеговна, уберите, пожалуйста, из журнала двойки.

– А что мне за это будет? – глупо засмеялась Серафима, как будто ей десять лет.

– Я грибов могу вам принести, белых. У нас много грибов около детского дома, хотите? – сказала я и осеклась. Дождь! Был же дождь, какие теперь грибы! Все перепрели, а новые не растут, поздно уже – октябрь. Только опята, а я не очень отличаю опята от лжеопят, можно поганок случайно набрать.

– Не! – замахала руками Серафима. – Грибочки – не! Я отравилась в прошлом году грибочками, тоже дети приносили, на день учителя, кажется, грузди соленые. Больше грибы не ем.

– Я могу вам программы разные закачать, хотите? – незаметно подошедшая Маша неожиданно включилась в наш торг.

– Да вы что, думаете, девочки, Серафиму можно вот так запросто купить? – удивилась Серафима. – А какие у тебя есть программы?

– Смотря что вам надо, у меня много что есть. Есть хороший фотошоп, лицензионный, есть словари, есть еще одна отличная программа, и на телефон пойдет, и на комп, сейчас... – Маша достала планшет и начала показывать Серафиме, а та, как маленькая, стала заинтересованно смотреть, что там ей еще удивительного покажут.

Программы Маша ей закачала и еще музыку – Серафима очень заинтересовалась Машиной коллекцией современного рока, а двойки убрать забыла, так что вечером я получила от Маши грустное сообщение: «У нас маленькая техногенная катастрофа, из мамы идет дым, не знаю, как потушить... Мама посчитала, сколько двоек я получила за первые два дня в школе, очень расстроилась... И еще бабушке плохо...»

Я видела ее мать и понадеялась, что ни драться, ни лишать Машу, скажем, ужина или отбирать телефон она не будет, слишком интеллигентный человек, переводчик редкого языка.

Как сделать так, чтобы Машина мать меня не боялась? Пока от меня очевидный вред. Ее дочка села со мной и получила три двойки. Просто так.

Мне понравилась Маша, потому что она говорит со мной на одном языке. Например, если нашим скажешь: «Она интеллигентный человек», никто не поймет, что я имею в виду. Или она мне написала «техногенная катастрофа» – и я поняла, что мама взорвалась, как отопительный

котел, например. У нас взорвался в прошлом году, затопило первый этаж, столовую, сгорел угол дома, очень долго потом воняло гарью и еще чем-то, похожим на то, как однажды наши мальчики сожгли крысу во дворе.

Так я сразу поняла, что имела в виду Маша. А наши бы не поняли. Мы говорим по-русски, но как будто все на разных языках. У нас, например, никто не читает ничего. Вообще ничего. Ничего и никогда. Ни по программе, ни дополнительно. Как будто не существует книг. А если заставляют (маленьких еще можно попытаться заставить что-то сделать), они не концентрируются, отвлекаются, не могут просто сидеть и читать.

А я не представляю, что бы я делала, если бы не читала. Так мне кажется, что у меня очень много умных знакомых – только успевай со всеми разговаривать. И не важно, что они не слышат меня. Мне главное, что я слышу их. Когда я была младше, старшие смеялись, что я читаю, но Вера особенно надо мной смеяться не разрешала, она сама тоже иногда читала что-то, даже знала стихи наизусть, Есенина. Сажала меня к себе на колени и негромко проговаривала, думая о чем-то своем: «Вы помните, вы все, конечно, помните, как я стоял, приблизившись к стене, взволнованно ходили вы по комнате и что-то резкое в лицо бросали мне...» И я представляла себе какую-то загадочную комнату и Веру в длинном обтягивающем платье, и *его*, почему-то обязательно черноволосого, сверкающего глазами, от любви и ненависти...

А теперь никто и не может смеяться, что я читаю книги, я самая старшая. Есть у нас, правда, такие энергичные и уверенные детки, которые, хоть и младше, а пытаются всем все диктовать. Как Лерка, например. Она почти моя ровесница, на полгода младше, а пытается вести себя иногда, как будто она самая старшая. Я стараюсь с ней не конфликтовать в открытую, потому что она очень подлая. И если Серафима может назло двоим наставить – меня этим не испугаешь, то Лерка придумывает что-то по-настоящему неприятное. Нальет какой-нибудь гадости в ботинки, положит в постель грязную землю, да еще с червяками или с муравьями – у нас полно муравейников на территории, или бросит что-то плохое в еду. И все как будто случайно и как будто не она. Я часто думаю, как можно ее остановить или изменить, но пока ничего не придумала.

* * *

«Здравствуй, Руся! Читаю твое последнее письмо и удивляюсь – какая ты молодец, как хорошо, складно пишешь. Совсем без ошибок, так просто, искренне. Я рада, что у тебя все хорошо. Если есть какие-то проблемы – пиши, вместе решим. Какие именно тебе нужны книги? Напиши, пожалуйста, список, я постараюсь прислать.

Может быть, я скоро к тебе приеду. Я не уверена, я бы очень хотела тебя увидеть, познакомиться лично, но мне не с кем оставить сына».

Ого, ничего себе! Первый раз Анна Михайловна что-то написала о своей жизни. Ведь даже не знаю, кем она работает, есть ли у нее семья. Вот, оказывается, есть сын и не с кем оставить – значит, она не замужем.

«Как ты считаешь, это будет нормально, если я приеду с ним? Он почти твой ровесник. Андрюше моему было бы полезно увидеть, что есть совсем другая жизнь. Но вот приятно ли будет тебе, и как на это посмотрят другие дети?»

Как они посмотрят? Что, они домашних детей не видели? Каждый день видим в школе. И понимаем – жизнь невероятно несправедлива. Ведь никто не виноват, что родился в этой семье или в другой. Родился, и все. И однажды ты понимаешь: то, что у тебя, это не универсально. Один плохо видит, другой все время болеет, третий упал в три года и больше ходить не может, а у кого-то нет родителей или они такие ужасные, что дети должны жить отдельно от них.

Я долго думала, что же мне ответить Анне Михайловне, и решила написать правду.

«Дорогая Анна Михайловна, я бы очень хотела с вами познакомиться. И мне интересно, какой у вас сын. Не уверена, что ему будет здесь интересно. Наши мальчики с ним общаться не будут, это точно. Он чужой, им с ним не о чем говорить. Они могли бы с ним подраться – просто так, для интереса, но вы вряд ли это разрешите. К тому же они все матерятся и почти все курят, вам самой это не понравится. Если вы его привезете, получится, что вы его взяли как будто на экскурсию, как в музей или зоопарк, посмотреть другую жизнь. Но если вам не с кем его оставить, то лучше тогда приезжайте вместе, чем вообще не приезжать».

Странно, почему мальчика нельзя оставить одного? Конечно, у домашних детей все по-другому. Или она хочет у нас заночевать? Вот это было бы здорово. Иногда к кому-то приезжают шефы и ночуют. В этот день у нас как будто праздник. Все бегают, смотрят на шефа, до бесконечности обсуждают, что привезли подшефному, пытаются с чужим шефом пообщаться, что-то рассказать, самые глупые тут же просят денег или сладостей. Опытные шефы знают, как ответить. А неопытные, кто приезжает впервые, часто теряются, начинают раздавать деньги, женщины плачут непонятно из-за чего. Ведь у нас не такой уж плохой детский дом.

Воспитатели нормальные, те, кто был раньше где-то еще, рассказывают, что воспитатели бывают очень плохие, унижают, придумывают какие-то свои сумасшедшие законы, отбирают деньги и еще похуже. У нас таких нет. Наша старшая воспитатель, Марина Владимировна, всегда повторяет: «Мне главное, чтобы вы не поубивали друг друга, а остальное приложится». И у нас, правда, за пять лет, что я здесь живу, ни одной страшной драки не было. Никого не убили, не покалечили. С чужими дерутся до конца, а между собой – нет.

Часть детей у нас живет в «семейном корпусе». Это маленькое отдельное здание, где раньше у военных была библиотека и что-то вроде клуба. Там есть кухня, гостиная, две спальни. И те дети, кого привезли вместе с братом или сестрой, живут там. Это придумали только в прошлом году, раньше там была наша собственная школа. Было очень здорово – на кухне мы делали себе чай, разогревали хлеб на большой перемене, в гостиной можно было поговорить с учителем – у нас было всего несколько учителей: один для младших классов и трое или четверо для старших. Вообще, там было хорошо, лучше, чем сейчас в поселковой школе. Но, наверно, это было несерьезное образование. Ведь не может один и тот же учитель преподавать химию и литературу.

Теперь в «семейном корпусе» своя жизнь. Они иногда готовят себе что-то, если у них есть продукты. И получается почему-то вкуснее, чем в столовой, даже самая простая еда, та же каша. Я часто хожу туда вместе с Любой, у Любы там друг – семилетний Вася, которого привезли вместе с братом. Брат на три года старше и как будто совсем другой, он сразу сдружился со старшими мальчиками, а маленький, слабый Вася совсем потерялся. Люба как-то увидела, что он сидит на земле, весь грязный, и ест стебли – вообще-то их можно есть, они внутри сладкие, сочные, надо только знать, какие именно есть, и не увлекаться, – если объешься, вздуется живот.

Люба пожалела мальчика, отвела его к завхозу, взяла ему другую одежду, грязную постирала – у них в семейном корпусе есть своя стиральная машинка. И стала опекать Васю. С тех пор ей самой стало лучше в детском доме. И теперь мы ходим с ней в их корпус, Люба играет с Васей или смотрит мультфильмы, а я пытаюсь что-то готовить и читаю – там можно сесть в гостиной на диване и спокойно почитать.

* * *

– Брусникина, ты где сочинение списала? – Русичка спокойно и даже благожелательно смотрела на меня, как будто спрашивала о чем-то хорошем. – В Интернете, конечно? Встань, я тебя не вижу из-за Лизы.

– Я не списывала сочинение. – Я подумала, стоит ли вставать, когда тебе говорят вредные глупости, – ведь ясно, что я сочинение писала сама. И все же встала.

– Ты хочешь сказать, что эти мысли родились в твоей голове? Про то, что рифмы Лермонтова часто несовершенны, про то, что великим его называют оттого, что он, обиженный на власти, ругал царскую Россию, и так и пошло – с советских времен?

– Да, именно так я и думаю. Мне некоторые его стихотворения очень нравятся и «Герой нашего времени» понравился, но про рифмы ведь так и есть, разве нет?

– Ну, допустим. А откуда же ты можешь знать про советские-то времена? – засмеялась Нина Петровна.

– Я читала предисловие к старой книжке у нас в библиотеке. И не согласна с ним. И читала потом еще несколько статей, совсем других...

– Зачем? – удивилась Нина Петровна.

– В смысле – зачем?

– Зачем ты это читала? Во-первых, это неверно. Во-вторых...

– Тебе скоро красить стены, – договорил за нее Песцов.

– Достал, Аркаша, – незло ответила ему я. – Не лезь.

– Ой, Нина Петровна, а меня Брусникина обругала матом!

Веселухин встал, подошел к Аркаше и молча дал ему подзатыльник.

– Ты чё-о? – заорал Песцов. – Нина Петровна! Почему у вас детдомовские на уроке себе позволяют?

– Ну, заткнись, наконец, Аркаша! – попросила я. – Всё мимо кассы говоришь.

– Детдомовские такие же люди, – вступила неожиданно Маша.

– Уроды они, а не люди, – пробурчал Песцов, поглядывая на Веселухина. – Еще меня тронешь, я тревожную кнопку нажму, у меня в телефоне есть. И полиция придет, в колонию тебя заберет.

– Ты бы лучше ему сдачи дал, и дело с концом! – засмеялась Маша. – Какие мальчики у вас интересные, оказывается! С кнопками! А где у тебя эта кнопка?

Понятно, что на этот вопрос мог ответить Веселухин. Песцов взвился, остальные все смеялись и комментировали.

Нина Петровна, краем уха прислушиваясь к нашей перепалке, тем временем что-то с интересом смотрела в Интернете. Наверно, переписывалась со своими друзьями. Она всегда даст нам задание и сидит на уроке в «Одноклассниках».

– Все, наорались? – поинтересовалась она, когда все, кто хотел, высказались по поводу Песцова, Веселухина и вообще ситуации в стране и мире. – А вот мне интересно, Брусникина, ты можешь сесть передо мной и написать еще одно такое сочинение? Я тебе тему чуть изменю. Раз уж ты говоришь, что ты что-то там читала. Мне просто забавно... Никто из нормальных детей не читает, а Брусникина читает.

Я постаралась пропустить мимо ушей замечание Нины Петровны по поводу «нормальных». Я знала, что она говорит это просто по привычке. Есть «нормальные», а есть детдомовские. И все, больше она ничего не имеет в виду.

Я пропустила, а Веселухин взвился.

– Я не понял!..

– Паш, Паш... – Я встала и даже подошла к нему и взяла за плечо. – Что ты сегодня такой беспокойный? Ну мы ненормальные, мы уроды, пусть говорят, если им так легче!

Не от моих слов, а оттого, наверно, что я крепко держала его за плечо, Веселухин перестал рваться вперед. Откинулся на стуле, потом свободной рукой попытался ненароком обнять меня под столом за ногу.

– Паша! – Я толкнула его локтем. – Это уже другая тема. Все, сиди, давай не задираться, хорошо?

– И почему я тебя слушаюсь? – Веселухин улыбнулся.

Вот если бы я точно не знала, что он встречается с Алёхиной, я, может быть, и растаяла бы от этой улыбки. Но это знание мне очень мешало.

– Я напишу, пожалуйста, – ответила я русичке.

– Что ты напишешь? – подняла она голову от компьютера.

У Нины Петровны такое свойство головы. Она знает много стихов наизусть, которые выучила в детстве, Пушкина, Некрасова, Блока, знает даже отрывки из прозы, очень любит иногда с выражением что-то декламировать. «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно!» – так ни с того ни с сего начала она урок первого сентября. Дальше продолжать не стала, но читала разные другие стихи, нараспев, без запинки. И при этом Нина Петровна умудряется забывать то, что только что сама говорила, что задавала на дом, что спрашивала в начале урока. Отвлечется – и все, забыла. Вот и сейчас. Она с недоумением на меня смотрела, как будто только что не просила написать без подготовки какое-то эссе.

– Эссе. Или сочинение.

– М-м-м... Чудишь ты что-то... Гормоны вас замучили... Хочешь, пиши.

Я переглянулась с Машей, которая сидела и беззвучно смеялась.

– Да она вам такое напишет... – завелся было снова Песцов.

– Кнопку нажми! – посоветовала ему Маша.

После русского у меня как-то резко улучшилось настроение. Я все хотела спросить Машу, как закончилась вчера у них техногенная катастрофа, и не спрашивала. Мы говорили о чем-то хорошем, веселом, и думать о плохом не хотелось. Сзади маячил Веселухин, и вообще все было хорошо.

– Ты пойдешь на танцы, попробуешь позаниматься? – спросила я Машу. – Сегодня будем новый танец учить. Очень трудно, ни у кого пока не получается. Прыжки сложные. Пойдем!

Та вздохнула.

– Пойду, но не сегодня. Мама просила сразу после школы домой. – Она отвернулась.

Я больше ничего спрашивать не стала. А что спрашивать? По тону все понятно. По тому, как погрустнела Маша.

– Знаешь, у нас была такая замечательная учительница русского языка, Надежда Сергеевна, – начала я. – Благодаря ей и еще Вере я смогла как-то приспособиться в детдоме. Надежда Сергеевна ко мне относилась просто как родственница. Я иногда ходила к ней в гости, она жила в городе. И обо всем разговаривали, вообще обо всем, как когда-то с мамой. Она мне о себе рассказывала, спрашивала о том, что я чувствую, о чем думаю, об отношениях с детьми... Когда она погибла, стало хуже. У меня все время кто-то уходит. Сначала мама. Это вообще было очень страшно. Потом Надежда Сергеевна, я тоже очень скучала без нее. Потом уехала Вера в город, и там у нее началась новая жизнь...

Маша слушала молча.

– Теперь вот ты появилась и за несколько дней стала моей лучшей подругой, потому что ты похожа на меня. Так же говоришь, так же думаешь. Мне так кажется.

– Да, – кивнула Маша. – Мне тоже так кажется.

– И ты тоже уходишь.

– Нет, что ты!

– Ну, я же понимаю. Раз тебе не разрешают со мной общаться...

– Нет!..

– Да. Я понимаю. Иди домой, не задерживайся, а то еще переведут в другую школу, у нас же здесь есть вторая школа.

– Хорошо, – Маша быстро взглянула на меня, хотела еще что-то сказать, но я ушла первая.

Все равно мне нужно было съездить в детский дом пообедать, я хотела успеть на автобус вместе со всеми. Веселухин с Гошей уже махали мне руками, чтобы я поторопилась. Может быть, ее мама поймет, что от меня никакого вреда не будет? Или она знает что-то такое обо мне, чего я не знаю сама? И я, правда, могу испортить ее Машу, хотя я не курю, не ругаюсь и не пью. Чем-то еще могу испортить. Или вот возьму сейчас, куплю пива или энерготоник вместо того, чтобы идти на танцы, и буду сидеть во дворе детского дома, пить и обниматься с Веселухиным. Его тоже не пущу на футбол. Скажу: «Да, хорошо, чем я лучше Алёхиной, пошли!» Если обо мне думают, что я плохая, я что, должна доказывать все время, всем, что я хорошая?

Настроение было испорчено окончательно. Только что все было так хорошо. Веселухин пытался рассмешить меня, рассказывал какую-то несмешную ерунду, но я только покачала головой:

– Отстань.

– Ты что? – удивился Паша. – Обиделась на что-то?

– Обиделась, но не на тебя. Отстань. У тебя есть сигареты?

– Сигареты? Зачем тебе? Решила закурить? Нет, я не курю, меня рвет от сигарет.

– А, то-то я думала – почему никогда тебя с сигаретой не вижу? Думала – хорошо прячешься. А тебя, оказывается, рвет... Ты еще раз попробуй.

– Руся, ты что, заболела? – Веселухин попытался положить руку мне на лоб – он видел, что так воспитатели делают, когда боятся, что у нас жар.

Я отбросила его руку.

– Заболела.

– У тебя живот болит?

– У меня... – Я взглянула на него. Что он может понять? Мальчики такие примитивные. – У меня тоска, понимаешь? Болезнь такая.

– А... – Веселухин слегка растерялся. – А отчего это?

– Отчего...

Как расскажешь ему? Он мне, что, друг? Друг не запирается с Дашей Алёхиной в подсобке. Пусть сначала определится, кто ему друг, а потом я уже буду ему рассказывать.

Я решила позвонить Анне Михайловне. Я никогда ей раньше не звонила, возможно, на это уйдут все деньги. Ну и ладно.

– Да, Руся, здравствуй, у тебя все в порядке?

Я слышала, что Анна Михайловна очень удивилась.

– У меня... Да. А как у вас дела?

– У меня? Руся... У тебя точно все хорошо?

Я нажала отбой. Это бесполезно. У меня все плохо. То есть у меня все нормально, не хуже, чем вчера. Но вчера мне не казалось, что это плохо, а сейчас мне некуда деваться от себя самой, от своей тоски. Да, правильно я это назвала – тоска.

Я не поехала на танцы. Я видела, что звонил тренер, он не разрешает пропускать занятия просто так, но я отвечать не стала. Достала мамину фотографию, пошла во двор, у нас есть несколько мест, где можно уединиться, если, конечно, до тебя там уже кто-то не уединился. Я слышала, как Веселухин с Гошей искали меня после обеда, хотели вместе ехать на занятия, не нашли. Вот и хорошо. Не надо меня искать.

– Мама, почему так в жизни получается? Почему все относятся к нам, как к отбросам? Почему Машина мама не разрешает ей со мной дружить? Она ведь совсем меня не знает. Почему учителя даже не предполагают, что я тоже хочу учиться, что я ничем не хуже, чем домашние дети? Или я хуже, мама, скажи мне...

Что могла сказать мне мама? Я послушала – иногда мне кажется, что мама мне что-то говорит. Но сейчас я слышала только шум ветра в высоких деревьях за забором детского дома,

громкие голоса – младшие вышли во двор гулять после обеда. Вот кто-то заливисто засмеялся, вот долго-долго тянул матерное слово...

Может быть, мы и правда хуже тех, других детей? Но ведь я десять лет жила дома и была, как они. И только около пяти лет живу здесь. Я не хочу быть отбросом. Я не хочу красить стены. Я не хочу быть пьяной в десять утра – я видела в городе строителей и девушек-малярш. Я хочу делать что-то другое в жизни, что-то интересное, сложное, нужное. Но прежде всего я хочу, чтобы ко мне относились, как относятся к домашним детям – ни за что, просто за то, что они приходят из дома. Даже если они врут, списывают, ругаются так же, как наши, – очень многие ругаются; если они курят тайком или смотрят в телефонах ролики про секс – все равно они лучше нас. Почему? Наверно, это закон природы.

Вот вырос мухомор около досок, на которых я сейчас сижу. Я пнула его ногой – чтобы маленькие не сорвали и не съели его. Они ведь знают, что грибы можно есть, некоторые даже сырыми. А мухомор совершенно не виноват, что он вырос. Может быть, он тоже хотел быть белым грибом или хотя бы груздем? А вырос мухомором. Вот и мы так. Вредные, ядовитые, нас надо пнуть ногой, чтобы мы не испортили жизнь окружающим.

Я прижала покрепче к себе мамину фотографию. Я не знаю, что сказала бы мне мама, если бы была жива. Наверно: «Хорошо, дочка, что у тебя есть я. Ведь есть дети, которым некому рассказать о своих бедах и тяготах. А ты всегда можешь прийти ко мне и рассказать обо всем, что тебя беспокоит и мучает». Меня бы ничего не мучило, если бы мама была жива, так мне кажется.

Я увидела, что мне звонит Анна Михайловна. И не стала отвечать.

Может быть, мне съездить в Москву на кладбище? Я ведь не была на маминой могиле с тех пор, как ее похоронили. Да, пожалуй, я так и сделаю. У меня есть деньги, я могу купить билет, могу попробовать и без билета добраться, наши уже так ездили в Москву. Главное – найти то кладбище и там мамину могилу. Придется звонить папе.

Я проверила свой счет – да, мне хватит денег. Я знаю, если класть в месяц много денег на телефон, то можно общаться бесконечно, не думая, сколько ты проговорил. Можно даже смотреть фильмы в Интернете и всякие интересные программы, если телефон хороший.

– Папа...

– Леночка?! – папа аж вскрикнул, услышав мой голос, так удивился, как будто я позвонила ему с другой планеты. – Что?! Что такое случилось?

Он говорил как-то... преувеличенно громко, странно.

– Папа, я хотела узнать, как называется кладбище...

– Кладбище?..

– Да, на котором похоронена мама. Я знаю, что это где-то в Москве, там, где и бабушка. Мы с мамой ездили туда. Но я помню только дорогу от метро. А какое метро – я не знаю. И на какой автобус садиться, тоже не знаю.

– Леночка? Ты здорова? Тебя кто-то обидел? Тебя избили?

– Папа... – Я не могла понять, почему он так странно со мной сейчас разговаривает.

То есть... Я, кажется, поняла. Ведь мне казалось, когда папа приезжал ко мне во второй раз, это было этим летом, что он как-то очень похож на нашего сторожа дядю Гришу, который часто бывает пьян.

У него хороший характер, он мирный и даже приятный человек, но он любит выпить. Дядя Гриша дружит с нашей поварихой тетей Таней, поэтому он всегда сыт. И частенько сидит с бутылкой. Все к этому привыкли и не обращают внимания. Тем более что дядя Гриша никогда не напивается до того, чтобы упасть или разговаривать на каком-то непонятном языке, как бывает с мальчиками.

Года два назад старшие мальчики так напились, что один рвал траву за домом и ел ее, наталкивал полный рот, жевал, его рвало, а он снова ел. Правда, воспитатель потом сказала,

что так животные, например, коты, очищают себе желудок – специально что-то такое съедают, чтобы их вырвало. Но тот мальчик ел траву с аппетитом, как будто это тушеное мясо или вкусный пирог. А другой пытался открыть стенку – он думал, что у него в руке ключ, он всовывал невидимый ключ в стену дома и открывал ее. Она не открывалась, он плакал, бил ее ногой и снова открывал, открывал, пока не упал. Ударился головой, у него потекла кровь, а он так и заснул. Потом их возили даже в больницу, они лежали под капельницами, потому что никак не могли прийти в себя на следующий день – их рвало, они говорили какую-то ерунду.

Лерка рассказывала, что они специально так себя ведут, чтобы попасть в больницу. Только что хорошего в больнице – я понять не могу. Думаю, она придумывала, она вечно любила как-то отличиться, выставиться вперед. И тогда всем было страшно и любопытно, а она ходила и объясняла, что они просто притворяются. Но я-то отлично помню, я видела, что им было очень плохо, так не сыграешь.

А дядя Гриша всегда дружелюбно разговаривает, смеется, может чем-то угостить, правда, у него не бывает конфет. Но он может дать котлету, чищеную морковь, яблоко – все, чем его снабжает тетя Таня. Я не сижу с ним, потому что от него очень плохо пахнет, а у меня обостренный нюх. Но многие дети любят сидеть с ним, о чем-то говорить. Дядя Гриша может им спеть – у него есть баян и старая балалайка. Песни его я тоже люблю слушать, но на расстоянии, чтобы не доносился запах перегара и еще чего-то неприятного, от чего мне становится тягостно на душе. Запахи ведь сильно влияют на настроение.

Да, точно, папа сейчас говорил, как дядя Гриша, очень похоже.

– Папа, как называется кладбище, где похоронена мама?

– Леночка! Леночка! Ты же моя дочка... Ты моя дочка... Прости меня, Леночка! Как ты там живешь в детском доме, а? – Я услышала, как папа всхлипывает. – Сирота... Что же ты такая сирота... Я же твой папка... Как же...

– Папа, – повторила я спокойно, но как можно понятнее, – вспомни, как называется кладбище, где похоронена мама? На какую букву начинается?

Я успела посмотреть в Интернете, что в Москве не так много кладбищ, и есть кладбища, на которых уже не хоронят, а если хоронят, то только очень знаменитых людей. И я точно помню, что там было рядом метро, мы ехали на автобусе, но не очень долго, значит, это было в Москве, а не в пригороде.

– Леночка!.. Бедная моя девочка! У тебя умерла мама... – продолжал всхлипывать папа. – Очень трудная жизнь, дочка... Очень трудная... Все меня подставили, все... И Генка, и Серега, друзья, называется... Дочка... нет правды, нет!..

– Хорошо, папа, слушай. Я буду называть кладбища, а ты вспоминай: Ваганьковское, Митинское, Кунцевское...

Я услышала, что папа затих.

– Папа? Ты слышишь меня?

– Да, дочка, – тихо и трагично сказал папа. – Мама твоя захоронена на Кунцевском кладбище. Людочка моя...

– Папа, маму звали Ольга...

Папа что-то заговорил в ответ, а я нажала отбой. Я и так проговорила с ним все деньги. Я немного подождала, не перезвонит ли он, но он не стал. Ладно, главное, я теперь знаю, куда мне ехать. Адрес и схему проезда я посмотрю в Интернете, главное, пробиться к компьютеру сегодня или у кого-то взять телефон напрокат. Мы иногда делаем так: берешь у кого-то телефон, в котором хороший Интернет, вставляешь свою симку и смотришь, что тебе нужно. Некоторые дают телефон бесплатно, некоторые требуют за это деньги или еду. Но я знаю, у кого взять телефон в случае чего.

Нужно продумать остальное. Сегодня вторник, со следующего понедельника у нас начинаются каникулы. Вот очень хорошее время для поездки. Можно с утра уехать, а вечером вер-

наться обратно. И никто не заметит моего отсутствия. У нас некоторые ездили в Москву – просто так, поболтаться по улицам, походить по торговым центрам – там совершенно особая жизнь. Я не ездила, но другие дети рассказывали и даже снимали видео на телефон, показывали эти торговые города, где можно провести целый день. Нам не разрешают туда ездить, но наши что-то придумывают, чтобы сбежать, всегда можно придумать, если очень нужно.

До вечера я размышляла о том, как лучше спланировать поездку, а когда легла спать, уснуть не смогла. Лежала-лежала, считала дни до понедельника, продумывала маршрут и, вообще, как все будет. И поняла – я ждать до следующей недели не буду. Вдруг наступит плохая погода, похолодает, польет дождь, все-таки начало ноября. А сейчас – просто отличная погода, не солнечно, но и не холодно, днем – градусов двенадцать, наверно. А я знаю, что такое в холод идти пешком, в промокших ботинках, по нашей чавкающей грязи... Там, в Москве, куда я денусь, где буду греться? Ну, зайду в какой-то магазин, погреюсь, а потом надо стоять на остановке, долго ехать в автобусе, в электричке, снова в автобусе... Нет, поеду завтра. Придумую что-нибудь. Поеду утром со всеми в школу, а там разберемся.

Наутро я взяла половину своих скопленных денег. Я не собиралась их тратить, но без денег ехать в Москву нельзя, это точно. Неизвестно, где и за что мне придется платить.

Первый урок был география, которую ведет все та же Серафима. Географию она любит еще меньше, чем математику, всегда зевает, особенно на первом уроке. Она задала нам читать параграф, а сама засела в Интернете. Я подождала минут десять, потом подняла руку и сказала:

– Серафима Олеговна, можно я выйду?

– А что с тобой? – Серафима недовольно подняла на меня глаза.

– У меня кружится голова.

На мое удивление, никто не стал комментировать, никто не спросил, не беременна ли я, не перепила ли вчера и так далее, всем было лень, все спали, утро было облачное, как будто никак не разгорался день. Я чувствовала, что и Маша, которая сидела теперь отдельно, и Веселухин смотрели, как я уходила, но я не стала на них оборачиваться. Вещи свои я предусмотрительно не стала раскладывать. Я придумала: напишу через некоторое время Веселухину, чтобы все забрал после урока.

Я вышла из класса, огляделась – главное, не напороться сейчас на завуча или какую-нибудь любопытную училку. Я спустилась вниз, быстро оделась.

– Куда? – поинтересовался охранник.

Я видела – дверь не заперта. Иногда в середине дня, когда все уже пришли – и учителя, и опоздавшие, он запирает дверь на ключ, тогда просто так не уйдешь.

– Я мешок с физрой в нашем автобусе забыла, брала стирать.

– А что, автобус ваш еще стоит? – охранник недоверчиво посмотрел в окно. Я знала, что автобус точно с его места не видно. И надеялась, что встать, пойти к дальнему окну он поленится. Охранник у нас вредный, но очень толстый и ленивый.

– Конечно, вон же он! – неопределенно махнула я рукой, уже выскальзывая в дверь. – Я вернусь не сразу! Мне еще сказали тетрадки купить для диктанта на весь класс!

Я слышала, как он что-то говорил, но вставать со своего места и догонять меня не стал.

Так, начало есть. Я побыстрее вышла на улицу. Вдалеке я заметила директора, которая не торопясь шла на работу. Ах, черт, как нарочно! Я наклонилась, как будто застегивая ботинок, и так, склоняясь, быстро зашла за угол школы, а там бросилась бежать. Надежда одна – директор разговаривала по телефону очень увлеченно, смеялась и, возможно, не заметила меня. А даже если и заметила! Не объявят же они меня в розыск! У нас многие прогуливают. Просто я никогда не прогуливаю. Не потому, что я самая хорошая и правильная, а просто очень не люблю, когда меня ругают и унижают. Нас и так достаточно унижают, совершенно ни за что.

Я дошла пешком до электрички, расписание я знала. Купила билет, подождала поезд, села в полупустой вагон. Я предусмотрительно взяла с собой из класса телефон и деньги. Что мне могло еще понадобиться? Пора писать Веселухину, урок вот-вот закончится.

«Забери мои вещи, никому ничего не говори».

«Хорошо. Ты где?» – тут же ответил он.

«Потом расскажу».

«Ты в школе?»

«Нет».

Паша сначала ничего не ответил. Через пять минут пришло сообщение:

«У кого ты? Кто он?»

Вот какой дурак, а! Надо же... Глядя на Пашу, вряд ли можно предположить, что у него в голове могут возникнуть такие мысли. «Кто он?»... Паша меня ревнует! С чего бы это?

«Паша, обещаю тебе все рассказать, но потом. У меня серьезное дело, я приеду к вечеру. Надеюсь на твою помощь. Вещи забери, никому ничего не говори. Я одна. Зря ерунду не думай».

Веселухин в ответ послал мне смайлик-поцелуй. Алёхиной пусть поцелуи посылает! Но если поможет мне, то будет молодцом.

Я боялась потеряться. Я знала, что в метро везде висят схемы, можно к ним подойти и посмотреть, где делать пересадку, и все равно боялась. Несколько раз доставала листочек с маршрутом, который подробно себе расписала, и проверяла, сколько остановок осталось. Я помнила, как в прошлом году наши девчонки потерялись в Москве. Судя по их рассказам, там невозможно было не потеряться, потому что одна и та же станция метро называется по-разному, смотря с какой стороны заходить. Но я думаю, они это просто придумали, чтобы оправдаться.

Я вышла из электрички на Тушинской, зашла в метро, доехала до Кольцевой линии, сделала пересадку, потом еще одну. Вокруг было слишком много народу. Это приблизительно, как когда все наши набиваются в раздевалку у душа. Но там все свои. А здесь – чужие, много нерусских, много странных людей, непривычно одетых. Парень с выбритыми висками, на которых сделана цветная татуировка; пожилая женщина с голыми ногами, в шортах, веселая, читает газету на иностранном языке; два подростка с так низко спущенными штанами, что я смогла прочитать на ярко-зеленой резинке трусов у одного – Sport. Вообще, очень много, слишком много вокруг людей, и все знают, куда едут. Молчат, слушают музыку, читают, переписываются в телефонах, сосредоточены, многие угрюмы, почти никто не смеется и не улыбается, кроме той женщины, которая смеялась, читая газету...

Сердце у меня стучало. В один момент мне показалось, что я пропустила станцию. Я понимала – если я сейчас потеряюсь, мне придется подходить к дежурному в метро, та вызовет полицию, и вместо намеченной цели я попаду в детскую комнату полиции, откуда меня с позором препроводят обратно в детский дом. Мне совершенно этого не хотелось. Поэтому я постаралась сосредоточиться, больше никого не разглядывать, внимательно слушала объявления, какая следующая станция, еще раз прочитала, где делать пересадку, и, наконец, вышла на улицу на станции «Кунцевская». Нашла остановку автобуса.

Стало уже холодать. День был ясный, но даже изо рта шел пар. Вчера-то днем было тепло... Я порадовалась, что надела не туфли, а утепленные ботинки, которые как раз на прошлой неделе мне выдала завхоз. Я не хотела их брать, они некрасивые, ни в какую не хотела, но она настояла: «Вот задницу подморозит тебе, сама прибежишь!» Я смеялась – при чем тут задница, это же ботинки, а не теплые штаны, но она наругала меня и ушла. Завхоз у нас добрая. Она плохо видит, ходит в очках с очень толстыми линзами, от этого у нее странный вид, как будто неправильное лицо, под очками – слишком маленькие пронзительные глаза с белесыми ресницами. Но она всегда замечает, когда кто-то вырос, сама подбирает вещи. Мальчишки, осо-

бенно маленькие, вообще ведь не соображают, в чем они ходят. Могут летом надеть теплый зимний свитер, а зимой – легкие ботинки, которые тут же промокают. Ходят грязные, рваные, меняются то и дело вещами, не замечают, что брюки стали им до щиколоток или рукава совсем короткие.

– Почему не в школе? – поинтересовалась женщина в пушистой меховой накидке. Я даже загляделась на ее накидку. Надо же, такая дорогая вещь, а она не в автомобиле, а в обычном автобусе вместе со мной едет.

Я оглянулась на всякий случай. Ну да. Меня спрашивает, больше не кого.

– Я... к маме еду.

– А мама в больнице, что ли?

Я неопределенно кивнула. Когда можно не врать, я стараюсь не врать. Иногда это просто невозможно. Люди не хотят слышать твоей правды, она им не нужна, они будут заводиться и мучить себя и тебя до тех пор, пока ты не совершишь что-нибудь понятное и подходящее им.

– Ясно, – вполне доброжелательно улыбнулась женщина и стала разглаживать целлофан на букете цветов, который был у нее в руках.

Вот черт, а я как раз хотела у нее спросить, когда мне выходить. Остановки не объявляли, у меня было записано название остановки, но как узнать, какая она будет по счету? Правда, называется она как раз «Кунцевское кладбище», но пока ничего похожего на кладбище я за окном не видела. Высокие дома, вот в таком похожем доме мы с мамой жили... У меня еще сильнее забилося сердце. Как похоже... Не наш ведь это дом! Наша станция метро называлась по-другому... Вот автобус въехал на огромный длинный мост, потом дорога резко закруглилась, и мы съехали на боковую улицу. Какой интересный мост...

– Сумку держите, – посоветовала женщине в накидке ее соседка. – У меня такие вот детки из сумки достали кошелек. Я еще на них смотрела, жалела... А потом – р-раз, и кошелек нет! А там – и пенсионное, и социальная карта, и денег шесть тысяч было!

Я отвернулась. Какие «такие детки»? Что, по мне видно, что я из детского дома? Я как-то не так одета? Или у меня «такой» взгляд? Может, спросить?

– Вот-вот, сразу отвернулась, понимает!.. – не успокаивалась женщина.

Та дама в накидке что-то ей негромко сказала, на что она отреагировала шумным вздохом и не очень приличным замечанием.

Я повернулась к ней.

– Да, я из детского дома. Но воровать у вас ничего не буду, не переживайте. И вообще ничего воровать не собираюсь.

– Зачем вы так? – сказала дама в накидке своей соседке, укоризненно качая головой. – Хорошая девочка, сразу же видно.

Я встала, потому что увидела схему на стекле у водителя. Там же обозначены все остановки! Вдруг я уже проехала! Я заметила впереди на улице невысокое строение, около которого были выставлены цветы в высоких вазах, венки... Дальше у забора стояли еще венки.

– Это кладбище? – спросила я у водителя.

– Кладбище, – кивнул он. – И дальше будет кладбище. Тебе какое надо? Троекуровское?

– Нет... – растерялась я. – Кунцевское.

– Так на Кунцевское надо было на прошлой остановке выходить. Ничего, пройдешь назад пешком, здесь недалеко.

– А что, автобус теперь по-другому идет? – вскинулась женщина, которая меня защищала от своей соседки. – Я тогда тоже проехала.

– Да стройка же везде, перерыли... – откликнулся кто-то из пассажиров.

Я вышла на следующей остановке, та дама в накидке – тоже.

– Подожди, вместе пойдем! Тебе же на Кунцевское? – чуть задержала она меня.

Я кивнула.

– Кто у тебя там? – продолжала спрашивать она.

Я не очень хотела разговаривать. Но мне неудобно было не ответить.

– Мама.

Дама быстро и сочувственно взглянула на меня.

– Я поняла... Вот ты куда к маме ехала... А у меня дочь. У тебя более естественно. Хотя ты слишком маленькая еще. Сколько тебе?

– Четырнадцать. Скоро будет пятнадцать.

– А моей было девятнадцать. На мотоцикле поехала с другом. Я еще радовалась – какая у меня смелая дочь, вот я бы никогда не отважилась мчаться по Москве на мотоцикле с бешеной скоростью... Вот и приехали. Я два года провела в больнице, жить не хотела. Там меня кормили насильно, кололи глюкозу... Потом вышла, вроде ничего, жить снова начала. Но жизнь уже как-то не так пошла.

Женщина говорила так просто, спокойно, как будто рассказывала: «Вот белый дом, в нем четырнадцать этажей, нет, шестнадцать, а вот – желтый, в нем восемь подъездов и двенадцать этажей, в каждом подъезде – лифт...»

– Ну, а ты? Правда, из детского дома?

– Да.

– А где он? В Москве?

– Нет, я приехала на один день, навестить маму.

– Ох, как это звучит... Ты знаешь, где могила?

– Я помню широкую аллею, а потом, кажется, надо повернуть... Это пять лет назад было.

– А номер могилы помнишь?

– Нет...

– Так, ясно. Пойдем, сейчас узнаем. Ты цветы покупать будешь?

– Конечно... – Я поняла, когда мы зашли на территорию кладбища, что сама никогда бы ничего не нашла. Три широкие аллеи шли в разные стороны. По какой идти?

Мы зашли вместе с той женщиной в администрацию, по фамилии нам нашли номер могилы и показали на схеме, где ее искать.

– Найдешь сама? – спросила женщина.

Я неуверенно кивнула, сфотографировала схему на телефон.

– Ну иди. Вот, постой. Возьми мой номер, если потеряешься, позвони, я подойду. А то здесь так холодно, я уж с тобой не пойду. Меня зовут Марина Кирилловна. А тебя?

– Меня Руся.

– Какое милое имя... А мою дочку звали Валюша. Дай мне свой номер. Тебе вот по этой аллее и направо, тут совсем недалеко. Я тебе обязательно позвоню.

Я была уверена, что женщина говорит просто так. Зачем ей мне звонить? Она мне не родственница и не шеф. Тем более, ее люди предостерегают, что я могу своровать у нее деньги. Я, оказывается, так подозрительно выгляжу. Что бы они, интересно, сказали о Лерке или о наших мальчишках!

– Спасибо! – запоздало крикнула я, когда та шла уже по дорожке, и быстро побежала в другую сторону, на самом деле на кладбище было почему-то гораздо холоднее, чем на улице.

– Руся, подожди! – Марина Кирилловна почему-то остановилась и окликнула меня.

Я тоже остановилась и, видя, что она ждет меня, подошла к ней.

– А почему ты сразу не сказала, что идешь на кладбище?

Я пожала плечами.

– На всякий случай.

– Ну... хорошо. У тебя есть деньги на обратную дорогу?

– Да.

– Ладно, пока! Я позвоню тебе, обязательно.

Я не знала, что ей ответить, и на всякий случай еще раз сказала:

– Спасибо.

Я же забыла купить цветы! Пришлось вернуться ко входу. У меня разбежались глаза. Я только один раз в жизни сама покупала цветы, на похороны Надежды Сергеевны. Обычно, если надо, мы летом цветы собираем в лесу и на поле. А зимой как-то обходимся. Зачем нам цветы? На первое сентября мы в этом году выращивали астры и гладиолусы, все домашние дети приходят с огромными букетами, и наши воспитатели решили, что и мы в грязь лицом не ударим. А лето было жаркое, и цветы расцвели раньше, еще в середине августа. Им же не объяснишь, что надо подождать. Мы набрали на поле цветов, чтобы маленькие хотя бы пришли с букетами, но выглядело это не очень. В конце августа цветут уже только самые крепкие сорняки, есть очень красивые, конечно, и камыши. Но на настоящие букеты из роз или гладиолусов это похоже не было. Я постаралась сделать Любе красивый букет, но все равно над ней смеялись.

Здесь в цветочном ларьке был огромный выбор. И гвоздики, и розы, и цветы, названия которых я не знала, похожие на искусственные, и настоящие пластмассовые цветы. Зачем покупают пластмассовые цветы? Может быть, чтобы реже ходить на кладбище?

Я выбирала-выбирала и купила малиновые гвоздики. И еще букетик маленьких пластмассовых роз, очень похожих на настоящие, с веточкой красивого белого сорняка, таких в конце лета у нас на территории много.

Я расплатилась и убрала подальше деньги. И правильно сделала. Когда я снова зашла на кладбище, ко мне подошли три цыганки, совершенно непонятно откуда взявшиеся.

– Подожди, дорогая, – остановила меня старшая. Две другие были помоложе. Одна держала завернутого смуглого младенца. – Куда идешь? Где все твои?

– Мои? – я оглянулась.

Что цыганки могут отобрать все, что у тебя есть, я знала отлично. У нас в поселке тоже иногда появляются цыганки, и тогда каждый день только и слышишь рассказы – и правдивые, и явно выдуманные, о том, как они кому-то нагадали близкую смерть, и человек зачем-то им отдал все деньги. Что, они нагадают другое, что ли, за эти деньги? Или как они сняли сережки у девочки, которую родители послали в магазин. Мне только непонятно – ну как среди белого дня они сняли у нее сережки? Подошли и сняли, что ли? Или завели куда-то?

На аллее никого не было. Ни впереди, ни сзади. Все деньги у меня были спрятаны далеко, очень далеко – в карман на рубашке, застегнутый на пуговку. На рубашке еще был свитер и сверху куртка. В кармане куртки же лежала только сдача, мелочь. Но если правда, что цыганки видят все насквозь...

– Или ты тут с нами поработать хочешь? Так места нету! Иди, откуда пришла!

– Я не поработать хочу. Я иду на могилу к... дяде, – зачем-то соврала я. – Меня за цветами послали. Все уже там. Цветов просто мало купили.

Я не такая уж хорошая врушка, но если надо, могу сообразить. У нас без этого не проживешь. Станешь с утра до вечера говорить правду – всем, и Лерке, и Алёхиной, и Серафиме, и русичке, так будешь как пугало огородное, у нас стоит такое в огороде, где мы выращиваем себе картошку, морковку и капусту. Я не очень люблю работать на огороде, но приходится. Тем более что за хорошую работу с прошлого года нам дают конфеты. Надежда Сергеевна не давала, она объясняла, что смысл – в тех овощах, которые мы выращиваем. Мы же их сами и едим. Но все же лучше, когда еще и конфеты получаешь, а не только невкусный несоленый суп из капусты.

Старшая цыганка очень подозрительно на меня посмотрела.

– К дяде, говоришь? Что, сегодня хоронят?

– Нет, почему, просто приехали навестить. Его брат, то есть... мой папа, еще моих два старших брата...

– А номер могилы какой? – прищурилась цыганка. – Что-то я никаких братьев не видела, стою тут с утра...

– Так они же на машине! С той стороны подъехали! Они же не пойдут пешком! – Я не была уверена, что есть какая-то «та сторона», но сказала, не задумываясь.

– Хорошо... Так где могила, говоришь?

Я не хотела, чтобы они знали, куда я иду на самом деле. Придут потом еще проверить, цветы мои заберут или плюнут, я знаю, что у цыганок особая слюна, – если они плюнут, человеку плохо станет или душе его, если самого человека уже нет. Я не хотела, чтобы маминой душе стало еще хуже. Ведь она и так наверняка из-за меня переживает.

Я помнила, что мне сказали «пятая аллея», и ответила:

– Седьмая аллея, кажется.

– Седьмая, говоришь... – цыганка покривила темные губы. – Ну иди, иди...

Я, стараясь не смотреть ей в глаза, – отлично знаю, что цыганки умеют гипнотизировать, – вытащила свой телефон, набрала номер Веселухина и, держа телефон так, чтобы цыганка слышала, как он произнес «Ало», сказала:

– Паш?

– Руська, – заорал Веселухин, – ты где?

– Иду, уже иду, выйди мне навстречу, а то я не знаю, где точно поворачивать! Я цветы купила!

Не дожидаясь, пока Веселухин начнет удивляться и спрашивать, какие цветы я купила и куда он должен выйти, я незаметно нажала отбой, а сама сказала:

– Скажи папе, что я бегу уже!

Цыганки переглянулись, а я тем временем побыстрее пошла по аллее. Тем более что из ворот появилась пара – женщина лет сорока, стройная, с заплаканным, совершенно убитым лицом и девочка приблизительно моего возраста. Наверно, недавно кого-то похоронили. Они шли тоже с цветами по моей аллее, быстро, склонив головы друг к другу.

Все вообще как-то не так получается, как я думала! Столько посторонних деталей! Я никак не могу сосредоточиться... Отойдя подальше от цыганок, я достала телефон, включила его, полистала, нашла фотографию плана кладбища, попыталась понять, где я сейчас нахожусь. Вот вроде здесь надо поворачивать. Всего один поворот, но если повернуть не там, буду ходить кругами.

Я шла по аллее, узкой, извивающейся, больше похожей на асфальтированную тропинку. С памятников на меня смотрели молодые и старые лица. Где-то были просто кресты – большие, маленькие, деревянные или металлические. И даты. Кто-то прожил семьдесят, восемьдесят лет, кто-то всего двадцать... Как странно. И как страшно. Страшно думать о смерти.

Я повернула и пошла вверх по дорожке. Наверно, здесь когда-то был холм, на котором начали хоронить людей, и постепенно могилы расползались по бокам этого холма. У нас есть такое кладбище, его видно издалека, когда мы идем в школу. Я стараюсь не смотреть в ту сторону. Не знаю почему, но мне всегда страшно, всегда грустно, каждый раз, когда я вижу кладбище. Сейчас у меня было странное состояние. Я точно не за этим шла. Я думала не о маме. Я думала о том, что ответить Веселухину, который звонил уже три раза и послал несколько сообщений с вопросом «Ты где?!!». Я думала о цыганках – неужели они так живут – стоят у кладбища, попрошайничают, воруют, если получается... Думала о той женщине в накидке, Марине Кирилловне, о том, что ей очень подходит такое имя, особенно оно подходит ее накидке.

В общем, когда я подошла к могиле, то совершенно растеряла то настроение, с которым сюда ехала. Я узнала место, узнала могилу, памятник, только мне раньше казалось, что он гораздо больше. На памятнике была бабушкина фотография. Внизу, в зарослях сорняка, я нашла мамину фотографию в рамке, точнее, когда-то это была фотография, а сейчас – просто рамка, в которой под стеклом была какая-то непонятная картинка, серая, расплывшаяся, в

ней я с трудом узнала мамино лицо. Вот тут были глаза, тут рот. Наверно, шел дождь, снег, и фотография мокла, мокла, высыхала, снова мокла... Потом упала и так и пролежала на земле – год, два, не знаю сколько. На могиле росло какое-то кривое деревце, раньше его точно не было. Я присмотрелась и поняла – это не деревце, это такой жирный, крепкий сорняк, который свое отжил, но остался на зиму – сухой и корявый.

Я почувствовала, что подступают слезы – почему-то не к глазам, к горлу. Но я не стала плакать. Заставила себя не заплакать. Мне было очень холодно, замерзли ноги, руки, а надо было поработать – почистить могилу. А не стоять и плакать. У меня не было пакета, чтобы собрать мусор – я нашла в зарослях сорняка пластиковые стаканчики, окурки – наверно, соседи бросали. А может быть, хоть раз приходил папа? Выпил за мамино здоровье, выкурил пару сигареток?

Я собрала все, что засоряло могилу, вырвала сорняки, с трудом вытащила самый большой сорняк, похожий на деревце. Пришлось взять всю эту кучу на руки и отнести к мусорному баку, который я видела на повороте. Надо было захватить с собой тряпку, бутылку для воды – помыть памятник, он был не то что грязный, а просто заросший грязью. Непонятно, откуда сверху на нем могли быть комки земли – падали с неба, что ли? Я поискала в карманах – нет, платка у меня не было, я не ношу с собой носовые платки. Я знаю, что у некоторых домашних детей всегда есть в карманах платок. Но я никогда не болею и не плачу. Поэтому зачем мне платок? Я могла бы взять у завхоза – она выдает и настоящие платочки, и салфетки, кому надо, просто я не беру. Не вытирать же памятник шарфом? А чем еще? Я бы вытерла, но я надела в поездку как раз мамин нарядный шарф. Я вздохнула – пойду поищу что-нибудь на помойке.

Я, действительно, очень быстро нашла – высмотрела, не копаясь в листьях и мусоре, – довольно чистую тряпку, достала ее, нашла и пустую пластиковую бутылку, набрала ледяной воды из крана у забора и отлично вымыла памятник. Мамину ужасную фотографию я решила сначала выбросить, но как-то рука у меня не поднялась. А вдруг ее можно как-то подновить? Реставрируют же старые фото, я знаю... Я помыла раму, она без грязи оказалась очень красивой, золотистой. Можно будет сделать копию с той фотографии, которая есть у меня в детском доме, вставить в рамку и привезти, если не удастся восстановить эту.

– Руся? – я не узнала голос в трубке. – Руся, это Марина Кирилловна, мы с тобой познакомились сегодня.

– Здравствуйте, – машинально сказала я, с трудом удерживая телефон совершенно озябшими от ледяной воды и холода руками.

– У тебя все хорошо? Ты нашла могилу? Тебе не нужна помощь?

– Нет, – ответила я. – Помощь не нужна, могилу я нашла.

– Хорошо, я тебе еще позвоню.

Марина Кирилловна отключилась, а я поняла, что забыла сказать спасибо и вообще как-то недружелюбно с ней разговаривала. Я подумала и написала ей сообщение: «Спасибо».

Марина Кирилловна в ответ позвонила:

– Руся, у тебя точно все хорошо? А то я собираюсь уезжать.

– Точно, – ответила я.

Я, конечно, могла бы сказать, что очень замерзла, хочу есть, выпила бы горячего чая. Но, во-первых, она меня не об этом спрашивала, а во-вторых, я все продумала. И я еще не закончила свои дела на кладбище. Вообще даже не начинала. Ведь я ехала сюда, чтобы поговорить с мамой. Мне казалось, что здесь она будет ближе ко мне. Поэтому и не смогла дождаться конца недели – когда представила, что приеду на могилу и окажусь рядом с мамой.

Сейчас я стояла у вычищенной от сорняков могилы, смотрела на чистый памятник, на котором постепенно стало проступать бабушкино лицо. Сначала оно куда-то исчезло, когда я протирала памятник. Я страшно испугалась – подумала, что как-то его стерла. Но это был просто такой странный эффект от воды. Сейчас лицо появлялось, и бабушка лукаво и

немного удивленно смотрела на меня. Как будто хотела сказать: «Ты кто такая? Неужели ты так выросла? Ты, моя маленькая неловкая Ленуся, которая никогда не станет балериной, потому что у нее не тянется ее ножка?»

– Я не стану балериной, – ответила я бабушке. – Но не потому, что у меня не тянется стопа. Я ловкая, занимаюсь танцами, и стопа у меня нормально тянется, и я даже делаю семь оборотов, больше всех в нашей группе. Просто не хочу быть балериной, танцовкой, не хочу. Я хочу...

Я услышала звук, похожий на выстрел, и грустную, тяжкую музыку. Кого-то хоронят, наверно, военного. Я видела по телевизору такие похороны. В другой ситуации я побежала бы посмотреть, но не сейчас.

Я постояла еще у могилы, стараясь почувствовать, что где-то здесь, рядом, обитает мамина душа. Но ничего не почувствовала. Наверно, дело в том, что давно испортился портрет, и нет памятника или даже креста, на котором было бы написано мамино имя.

– Мама, я обязательно поставлю крест, обещаю тебе, с хорошей фотографией. У меня есть деньги. Я собирала их совсем на другое. Но то подождет.

Я послушала – не скажет ли мама что в ответ. Не по-настоящему, конечно. Не возникнет ли у меня в голове ее голос. Раньше это бывало часто, сейчас все реже и реже, но я иногда слышу – «малыш...». Мама редко называла меня по имени, как будто чувствовала, что мое имя мало пригодится в жизни. Или называла и я просто не помню? Я что-то очень хорошо помню, может быть, даже и не самое важное.

Какие-то обиды помню – например, как мама на площадке разговаривала с маленьким, очень глупым мальчиком, спрашивала, умеет ли он считать. Я еще не умела и очень расстраивалась, потому что мама удивлялась и ахала, какой же тот мальчик молодец. Я потом шла домой молча, и мама решила, что я заболела. А я просто обижалась.

Помню, как однажды мама приготовила очень вкусный пирог с яблоками, огромный, на весь противень, и мы ели его всю неделю, он никак не кончался, и мы смеялись, что пирог растет ночью, так же, как и я.

Помню, как в день рождения я однажды открыла глаза, а по полу идет... мишка. Маленький, трогательный, с балалайкой – идет прямо ко мне. Он был мягкий, на батарейках и умел ходить. Помню, как однажды ходили в зоопарк, и я кормила жирафа...

Помню, как ездили на море, и мама учила меня плавать, а я не хотела, боялась. Мне нравилось барахтаться, шлепая ногами по воде и чувствуя под животом теплые и надежные мамины руки. А мама не сердилась, а терпеливо, снова и снова заставляла меня плыть самой.

Но сейчас голоса в голове не возникло. Я знала, что в могиле нет маминого тела, его сожгли. Я помню, как страшно, невыносимо страшно мне было, когда гроб с маминым телом уезжал в огонь. Помню громкую музыку, бледного папу, который стоял под руку со своей новой женой, она была в ярко-зеленой шапке, и чувство, которое ни на что не похоже. Наверно, это было отчаяние. От ощущения неотвратимости, от горя, от невозможности что-то изменить. Или я сейчас это так все объясняю, потому что выросла, много читаю, думаю. А тогда мне было просто плохо, и это «плохо» я помню.

В могиле только урна с пеплом. Может быть, душа живет не здесь? Я верю, что мамина душа где-то есть.

«Она рядом, где ты».

Я даже вздрогнула. Кто это сказал? Вокруг никого не было. Но я как будто услышала это. Нет, наверно, не наяву. В голове. Но голос не сказал: «Я рядом, где ты». Это была не мама. И вообще, это был не голос. Просто мысль. Но не моя, ведь сказали: «где ты»...

Я кивнула, как будто тот, кто это сказал, мог меня видеть. Еще постояла у могилы, вытерла проступивший след от грязи, подмела вокруг могилы веником, который нашла за

соседним памятником. Перекрестилась на всякий случай, взяла золотую рамку с испорченной фотографией и пошла прочь.

Не знаю, почему я вернулась. Может быть, хотела лучше спрятать веник, который вывалился из-за соседского памятника. Или еще раз посмотреть на бабушку, фотографии которой у меня нет. Или еще за чем-то. Я наклонилась, чтобы захватить подалеже веник, и увидела что-то голубое. Это было небольшое золоченое колечко с непрозрачным голубым камнем, я увидела именно камешек.

Колечко почти вросло в землю, наверно, оно пролежало в ней не один месяц, а то и год. Я очень хорошо вижу грибы, ягоды, орехи, когда мы их собираем в лесу. Всегда нахожу что-то пуговицы, сережки, если их теряют. И сейчас я просто протянула руку и подняла это колечко. Я вытерла грязь с него, у меня еще осталась вода в бутылке, смыла остатки земли. Примерила колечко. Оно подошло мне на средний палец левой руки, как будто всегда там было.

Я шла к выходу, вытянув руку и смотря на колечко. Смотрела-смотрела, потом сняла. Ведь его нужно вернуть. А кому? Как? Соседям, у которых в могиле похоронено шесть человек? А как их найти? Или другим соседям, чья могила чуть повыше, – оно могло скатиться оттуда? Или третьим? Колечко было как раз на пересечении четырех могил, наша – четвертая.

Я внимательно рассмотрела внутреннюю поверхность кольца. И не увидела цифр. Я знаю, если кольцо золотое или серебряное, там будут цифры. Значит, это не такая дорогая вещь и, возможно, человек, который потерял это кольцо, вообще забыл о нем. Или... А вдруг его потеряла моя мама, когда приходила к бабушке? Но я не помню, чтобы у мамы было такое кольцо...

Я уговаривала себя, потому что мне совсем не хотелось думать, что я взяла чужое кольцо. Пойти, вернуть назад? Положить в землю, на то же место? Да, наверно, это будет правильно. Вдруг его весной найдет тот же человек, который потерял.

Я повернула обратно и увидела, как с боковой аллеи – с другой, не с моей, – вышли цыганки с большим букетом роз. Те самые, и еще с ними теперь был цыганенок, который прыгал на каждую оградку, пока одна из цыганок не дала ему подзатыльник. Они меня тоже увидели.

– Эй! – закричала старшая.

Я отлично бегаю, думаю, лучше даже, чем ее цыганенок. По крайней мере, когда я выбежала с кладбища и оглянулась, сзади никого не было. Я увидела, что к остановке приближается автобус, успела добежать и вскочить в самый последний момент. Я свои цветы сломала пополам – откуда-то я знаю, что стебли у цветов на могилу нужно ломать. Зачем – мне не приходило в голову, я думала, что так положено. Везде же свои законы. Или примета какая-то. Вот зачем! Чтобы потом цыганки не забирали их и второй раз не продавали!

Когда я села в автобус, то внимательно рассмотрела колечко. Я на кладбище смотрела только внутрь кольца. А написано было снаружи, две буквы – О и Л. Или это были какие-то значки – ноль и галочка, не знаю. Но мою маму звали Оля, а меня по-настоящему зовут Лена. И я подумала, что это знак. Какой, я пока не поняла, но почувствовала, что хороший.

Я решила не задерживаться, не пить нигде горячий чай, в автобусе и метро я сразу согрелась. Хотя, конечно, мне хотелось зайти в какое-то настоящее московское кафе... Но я решила не тратить зря деньги и время. На дорогу у меня ушло больше времени, чем я рассчитывала, и вернуться нужно затемно, иначе меня, правда, начнут искать, и, главное, мне самой станет страшно.

Я написала смс Веселухину: «Я скоро буду, часа через три, там все хорошо?» Но он почему-то мне не ответил. Наверно, побежал с Алёхиной, как обычно... Зря я даже ему это написала. Тогда я решила написать Маше: «Как там в школе? Не очень беспокоились, что я ушла?» Маша тоже почему-то не ответила. Странно. Может быть, у них нет связи? У нас

иногда очень плохая связь. Но тогда бы мне пришел автоматический ответ: «Сообщение не доставлено».

Я так увлеклась сообщениями, что проехала остановку и попала на большую станцию, с которой никак не могла перейти в обратную сторону. Переходила, а оказывалась совсем не там.

– Хочешь есть? – спросил меня какой-то темноволосый человек, очень плохо говорящий по-русски. Я решила, что он таджик.

– А что? – в ответ сказала я.

– Хочешь есть, иди со мной, – улыбнулся он, и я почувствовала несвежий запах.

Я чувствую все запахи, это и хорошо, и плохо одновременно. Я могу сказать, что ел человек сегодня, чистил ли он зубы, не болит ли у него горло (больное горло и больные уши пахнут особо, очень плохо), курит ли он, что пил и вообще – часто ли моется. Но иногда с этим очень трудно жить. Наши мальчики мыться не любят. Многие учителя курят, и в классе от этого тяжелый душный запах от их дыхания.

Сейчас я могла рассказать этому таджику, как давно он мылся (давно!), а также что утром он ел бутерброд с луком, а зубы чистил перед отъездом в Москву. Но я не стала ничего говорить, покачала головой и юркнула в образовавшуюся дырку между пассажирами. Толпа сомкнулась, и таджик не смог меня догнать. Зато стоящий рядом дяденька неожиданно положил мне руку на попу и стал ее разминать. Пришлось локтем сильно и резко толкнуть дяденьку, вполне приличного на вид, в красивом коротком пальто, хорошо побритого, не очень старого. Дяденька посмотрел на меня очень неприятным взглядом и изо всей силы тоже в ответ толкнул.

– Девочка, стой нормально! – сказала женщина рядом. – Вот шалавы, а! Набьются в метро, ни пройти ни проехать!

Я протиснулась в сторону. Интересно, как таджик понял, что я хочу есть? Что, я как-то выгляжу не так? Одеты не так? Плохо причесана? Или у меня какой-то не такой взгляд? Почему я «шалава»? Я знаю хорошо это слово, я сама называю шалавами девочек, которые трутся с Веселухиным и другими нашими взрослыми мальчиками, и даже Надежда Сергеевна так ругалась в сердцах, когда ее очень доставали старшеклассницы своим поведением – просили денег на аборт или напивались.

Колечко на руке грело и как-то успокаивало меня. Оказалось, что я опять ехала не в ту сторону. Но теперь уж я подошла к большой электронной схеме, долго около нее стояла, внимательно рассматривала, пока точно не поняла, куда мне ехать. В этот момент позвонила Марина Кирилловна.

– Руся, ты не потерялась? У тебя все хорошо?

– Да, – ответила я.

Даже если бы я ей сказала, что как раз сейчас потерялась в метро (то, чего я больше всего боялась), что бы это решило? Она же не приехала бы искать меня в метро. И вообще. Я давно привыкла ни на кого не рассчитывать. С тех пор как неожиданно погибла Надежда Сергеевна, я поняла – мне так, наверно, на роду написано – делать все самой и не рассчитывать ни на какие добрые глаза и руки, которые вытащат меня из беды – большой или маленькой, неважно.

В электричке мне позвонила Серафима. Она считается нашей классной руководительницей, но вспоминает об этом, только когда что-то случается.

– Поиграла? – без предисловий заорала Серафима. – Завтра чтобы принесла и повесила обратно, ясно? Ты меня услышала!

– Что повесила? – спросила я, предчувствуя недоброе.

– Услышь меня! Я сказала – завтра утром! Все! Сейчас бежать не заставляю! Скоро стемнеет! Но завтра чтобы все было на месте!

Серафима отключилась. Не понимаю, что она имеет в виду. Что-то там произошло, пока меня не было. Кто-то что-то взял, скорей всего, а Серафима почему-то решила, что это я. Но у меня ничего нет, это легко проверить. Пусть пойдут и посмотрят у меня под кроватью, в

тумбочке. Не знаю, правда, что пропало. Но она говорит – «повесить»... Что можно повесить? Картину, что ли, какую-то унесли? Ерунда какая-то... Или единственную в нашей школе электронную доску? Так ее втроем не унесешь. Еще в кабинете директора висит телевизор. Но это вообще бред. Как бы я сняла его? Что-то Серафима путает.

Я достала руку из кармана и посмотрела на колечко. Мне кажется, все-таки у мамы было такое же. Или... или очень похожее. Я любила примерять мамины драгоценности, которых у нее было немного. Она держала их в красивой длинной коробке, на которой была нарисована старинная карта Европы: совсем неправильная, без Италии, с неверными очертаниями северного побережья России – я хорошо знаю географию. Я вообще все хорошо знаю. Мне нравится учиться. Мне все интересно. Тогда, конечно, я не знала про Италию и северное побережье, мне рассказала мама.

Мама много читала, у нас было огромное количество книг, она не жалела денег, часто покупала мне новые книги, и я их быстро проглатывала. Мне кажется, нет ничего интереснее чтения. Разве что некоторые фильмы – не все. И путешествия. Когда я вырасту, обязательно объеду всю Россию и, конечно, посмотрю другие страны. Тибет, например, Италию. Сделаю прививки и съезжу в Африку и Латинскую Америку. Но это все потом. Когда у меня будет дом, семья, собака... У меня обязательно будет собака. Мне мама обещала купить собаку на двенадцать лет. Не знаю, почему именно на двенадцать. Но когда мне исполнилось двенадцать лет, мамы уже два года как не было на свете.

Мысль о том, что сказала Серафима, как-то не давала мне покоя. Я попробовала позвонить Веселухину и Маше, но они по-прежнему не отвечали. Странно. Если я звоню Паше, он всегда тут же берет трубку. Пишу сообщение – тут же отвечает. Я написала: «Паша, что такое в школе произошло?» Подождала ответа минут десять, пока ехали до следующей станции. Нет, не отвечает. Футбола у него сегодня нет. Не может же он запереться с Алёхиной на три часа? С тех пор, как я звонила, прошло уже порядочно времени. Скоро начнет темнеть.

Я почувствовала, что невероятно хочу есть и, главное, пить. И у меня очень замерзли руки. Я продумала все, кроме перчаток. Как-то забыла, что в первые холода очень мерзнут руки. Я засунула руки поглубже в рукава.

– Что, скучаем? – ко мне подсел парень.

Я чуть отодвинулась. Народу вокруг было достаточно, поэтому я не боялась.

– Выйдешь со мной? – он нехорошо улыбнулся.

Да что же такое! Я видела – впереди сидят порознь еще две девочки, одна моего возраста, едет домой из училища, наверняка живет в Подмосковье, учится в Москве. Другая чуть постарше, но очень красивая. Почему он подсел именно ко мне? Видит что-то такое... Что? Чем я так от них отличаюсь?

– Что молчишь? – Он поставил ногу так, что коленом закрыл мне проход и прижал к стенке. Надо было не на пустое место садиться, а между двумя бабушками – полно таких мест было, а я выбрала место, чтобы сидеть как королева. Вот сижу теперь...

– Нет, не выйду, – как можно тверже постаралась сказать я.

– Да ладно! – он осклабился, я увидела темные зубы и почувствовала тошнотворный запах плохой еды и табака. Если ешь просто хлеб, не пахнет никак. От парня пахло синтетической колбасой, еще чем-то кисловатым, но не приятным, а мерзким. Запаха спиртного я не уловила. – Давай, двигай копытами, не пожалеешь. Хорошо будет, тебе понравится.

– Понравится что? – Я все же отодвинулась от него, хотя для этого пришлось сократить вдвое и совсем вжаться в стенку.

– Гы-гы!.. – заржал он. Серафима называет это смехом имбецила. Так смеются некоторые наши мальчики, даже домашние. Вроде сидят себе нормальные, а смеются как дебилы. Говорят, что по смеху человека можно многое о нем сказать.

Парень немного поржал, а потом изо всех сил схватил меня за руку – тут я увидела у него на руке жирную затейливую татуировку – и сказал:

– Ты давай не выёживайся. Сказал – пойдешь, значит, пойдешь. Я своих баб вижу. Всё.

Я попробовала высвободить руку – невозможно. Ноги мои были окончательно зажаты – его нога раза в два с половиной была больше моей.

Я видела, что сидящие через сиденье напротив бабушки смотрели на нас, но ничего не говорили. Я попыталась взглядом привлечь их внимание, не кричать же было.

– Эй, парень, что ты ее прижал совсем? – спросила одна из них, правильно поняв мою безмолвную просьбу.

– Сестричку домой уговариваю поехать! – весело ответил ей парень, и я удивилась, как такой тупой на вид человек быстро сориентировался. Наверное, не впервой. – Бегаешь по Москве, а дома ее мамка ждет. – Одним углом рта он прошипел, изо всех сил сжимая мне руку, так что у меня заболела не только рука, а даже голова: – Молчи, тварь, пикнешь, – зарежу.

– Я заразная, у меня СПИД, – сказала я. Это было последнее средство, я знаю, так учила меня говорить Вера, если меня поймают и будут насиловать.

Парень опять заржал и даже помахал бабушкам:

– Веселая у меня сестричка! Шутница! – А мне опять прошипел: – Знаем эти байки! Проходили, не бойсь!

Он почти через каждое слово вставлял мат, так что мне уже стало совсем плохо – от его слов, от вони, от того, как он навалился на меня всей своей грязной тушей.

– Все, выходим, – он дернул меня за руку. – Ни одна еще от меня не уходила. Если я сказал, так и будет.

Интересно, он бандит – настоящий, с ножом, сидел в тюрьме? Или просто такой придурак? Сделал татуировку, как у эка, пугает ножом, которого у него, может быть, и нет... Но не хотелось бы на себе проверять, есть ли у него нож. Я понимала, что выходить с ним на остановку, которую уже объявили, мне совсем не нужно. А вдруг и правда ткнет ножом, и пока будут разбираться – что да как, убежит.

– Пошли, пошли, домой к мамке! – дернул он изо всех сил меня за руку.

Я точно знала – бесполезно говорить такому уроду, что мама моя умерла. Он совсем не это имеет в виду. Он имеет в виду плохое. И какой наглый, на глазах у всех! Почему-то он был уверен, что я не закричу. Я кричать не стала, но сказала громко и твердо:

– Пусти меня, урод!

– Нехорошо брата родного уродом называть! – укоризненно покачала головой женщина, сидящая впереди. – Он же тебе добра хочет!

– Куда же ты одна поедешь? – сочувственно сказала другая. – Поздно уже! Иди домой с братом!

– Да не брат он мне! – все же сказала я, чувствуя себя невероятно глупо.

Парень тем временем протащил меня почти до самого выхода, как я ни упиралась.

– Давай, сестренка, давай, что ж ты забегалась у нас... – приговаривал он, пребольно сжимая и выворачивая мне руку.

Я посмотрела на ту пожилую женщину, которая вмешалась в самом начале и была на моей стороне. Но она как раз искала что-то в сумке. И тут зазвонил телефон. Веселухин! Я на него поставила бодрую латиноамериканскую музыку. Молодец, кстати появился. Я быстро выхватила телефон из кармана.

– Пашка! Как хорошо, что ты позвонил! Ко мне тут какой-то урод привязался в электричке...

– Руська! Какая электричка? Где ты? – закричал Веселухин.

– Дедовск давно проехала...

А парень, дернув мою руку так, что треснуло что-то в суставе, выхватил у меня телефон и выпрыгнул в только что открывшиеся двери на станции.

– Стой! – закричала я. – Отдай телефон!

– А ты прыгай за мной! – заржал парень. – Ну? Что же ты? Давай, давай! Поезд уедет, давай! – улюлюкая и подпрыгивая, он отходил от вагона.

Я быстро огляделась. На перроне люди были, конечно, но уже начало темнеть, и у меня не было никакой надежды, что когда он меня потащит куда-то, за меня кто-то заступится и поверит мне, а не ему, что он загулявшую сестричку ведет домой. А буду кричать – вдруг, правда, ткнет ножом? У многих ребят есть ножи, даже у наших. Они любят друг друга пугать, иногда могут порезать. Правда, до смерти никто у нас никого не ранил, но, по рассказам, и в больницу попадали.

Я рванулась было за телефоном и остановилась в самый последний момент. Только когда поезд поехал, я поняла – номера Веры у меня больше нет. Еще у меня нет номера папы. Наизусть я его не знаю. Но, наверно, его можно взять у директора. У меня нет номера Марины Кирилловны, которую я встретила сегодня в Москве. И, главное, нет номера Анны Михайловны, моего шефа. Я могу написать ей письмо, все рассказать... но пока оно будет идти... Я не знаю точно, сколько идут письма. Иногда она долго не отвечает. Или так долго идет письмо, не знаю.

Я вернулась в вагон, села на другое место и почувствовала, как сильно у меня болит рука. Так сильно, что я не могу ее поднять, с трудом шевелю.

– Что же ты убежала! – покачала головой одна из активных женщин, которая советовала мне «ехать домой с братом». – Брат так заботится о тебе! Куда ж ты теперь!

– К мужику небось! Они такие теперь! – сказала вторая. – Передком наружу с десяти лет!

У меня как-то резко кончились силы. И очень болела рука. Я подняла глаза на этих женщин. Вот за что они меня так?

– Это не мой брат. Это совершенно чужой человек. Он украл у меня телефон и вывернул руку.

– Да? – поджала губы одна из них. – А че ж ты с ним разговаривала? Надо ж знать, с кем садиться, и вообще...

Я знаю этот феномен, так это, кажется, называется. Если человек симпатизирует не тебе, а твоему противнику, то ты будешь виноват, даже если противник совсем уже внаглую будет драться или отберет у тебя что-то. Так всегда бывает – несправедливо. Несправедливость – это вообще главный закон жизни, так мне кажется.

Неожиданно вмешался какой-то мужчина, который все это время молчал, может быть, спал:

– В полицию надо, в полицию!

– Хорошо, – кивнула я.

Я прекрасно знала, что обращаться в полицию бесполезно. Никогда ничего для детдомовских детей они искать не будут. И защищать не будут. Наши всегда боятся именно полиции. Но спорить с дяденькой я не стала, на это у меня точно не было сил, да я и не люблю спорить. У меня есть свое мнение, и совершенно необязательно навязывать его другим.

Та женщина, которая вступилась за меня в самом начале, даже встала, взяла свою тяжелую сумку на колесиках и подошла ко мне:

– Так что же ты не закричала, не позвала на помощь? Сидела тихо, я и не поняла. А телефон хороший был?

Как мне ей было объяснить, что в телефоне было столько всего нужного, невосполнимого теперь. И главное – когда еще я смогу купить теперь телефон! Я же истратила на поездку половину денег, которые копила на будущее, и нисколько не жалею об этом. А впереди зима – ни грибов, ни ягод, ни орехов, ничего не продашь. Можно, конечно, попробовать продать

калину, но ее никто обычно не покупает – полно калины растет у всех на участках, да и просто по дорогам.

Вообще-то папа должен платить мне каждый месяц какие-то деньги. Я знаю, мне говорила Надежда Сергеевна, она даже пыталась разговаривать с папой об этом. Но у него совсем нет денег, потому что всегда плохо с работой. Те, кому платят родители, при окончании школы имеют на счету деньги. Забрать их до восемнадцати лет нельзя, но можно попросить воспитателя снять какую-то сумму, например, чтобы купить телефон. Но что об этом говорить – у меня все равно никакого счета нет.

– Что ты молчишь? – продолжала допытываться женщина. – Ты вообще откуда?

– Из детского дома, – негромко сказала я.

– Убежала? – ахнула женщина.

– Почему? – пожалала я плечами и поморщилась от боли. Рука болела невыносимо. – Нет, просто в Москву по делам ездила. К маме.

– У тебя есть мама? – удивилась женщина.

– Да, – кивнула я. – Она на Кунцевском кладбище.

– О, господи... – Женщина еще поохала, потом полезла в сумку, достала яблоко. – Вот, возьми, поешь.

– Спасибо, – я взяла яблоко и быстро съела его. И тут же захотела есть так, что меня стало даже подташнивать от голода. Я знаю, так бывает. Когда очень хочешь есть, не надо есть яблоки или морковку с огорода, а тем более стебли сладкой упругой травы, которая растет у нас на территории. Вздуется живот, и еще больше захочешь есть. Надо пойти в столовую и просто попросить кусок хлеба. Часа на два этого обычно хватает. Если нет хлеба – просто перетерпеть, постепенно голод утихает.

Я взглянула на женщину. Спросить, нет ли у нее хлеба? Нет, лучше потерплю. Осталось ехать недолго, а на станции я сама куплю хлеб, иначе я просто не дойду до детского дома.

Рука у меня болела все сильнее и сильнее. Когда я вышла на своей станции, то практически не могла шевелить пальцами. Я даже не пошла в магазин за хлебом, боль была ужасная, отдавало даже в голову. Что такое случилось с моей рукой? И ведь не позвонишь никому. Если бы был телефон, я бы позвонила воспитательнице или Вере... У нас в детском доме есть фельдшер, но под вечер она уходит домой. Пока я дойду, ее точно не будет. Когда у нас кто-то серьезно заболевает, то приезжает врач из города. Если нужно, мы ходим с воспитателем в больницу в поселке. Там всегда круглосуточно есть врач. Я однажды ездила ночью вместе с Любой, когда она отравилась чем-то в столовой.

Я решила пойти в больницу. Правда, у меня нет документов, а там всегда спрашивают полис, документы. Но если у человека болит рука, может быть, и без документов примут?

Когда я подошла к больнице, уже стемнело. Центральный вход был закрыт, но я помнила, куда привозили Любу. Я позвонила в запертую дверь с бокового входа. Довольно быстро дверь открылась, и выглянул огромный человек в белом халате.

– Молодая особа... – довольно весело протянул он, энергично почесываясь крупной рукой. – Вы ко мне?

– Я к врачу.

– А я кто? – так же весело продолжил он. – А ты, что, одна?

– Да, я из детского дома.

– Совсем одна? – зачем-то уточнил он и, как мне показалось, радостно потер руки.

– Да. Воспитатель сейчас придет, она пошла к знакомой, – на всякий случай добавила я.

– Так вот подожди ее, тогда и заходи, – сказал он и захлопнул дверь.

Вот черт! Я позвонила снова. Он тут же открыл.

– Что, пришла воспитательница? – спросил весельчак.

Я рассмотрела его внимательнее. Полный, высокий, с большим неровным лицом, огромными руками, халат обтягивал сильно выпирающий живот. Пахнет... лекарствами, табаком и чем-то еще, довольно противным.

– Что смотришь? – мужчина захохотал от какой-то своей мысли. – Думаешь – а... или а... – он покрутил руками перед собой. – Что надумала? Наврала про воспитателя, да? Пришла-то небось... – он подмигнул, – не просто так, да? Сколько уже задержка?

– Какая задержка? – удивилась я.

– Да что, я вас не знаю, маленьких сучек! – ласково сказал он, оглянулся и быстро затолкнул меня внутрь. – Только я бесплатно ничего не делаю, имей в виду, придется потом... – он взял меня за плечо.

Я вскрикнула.

– Ты что это, а? – улыбка сошла с его лица. – Что? На голову больная? Так это не ко мне.

– У меня что-то с рукой. Не знаю что. Очень больно вот здесь.

– А здесь? – он довольно неаккуратно ткнул меня в предплечье.

– Везде больно.

– Ай, ну вот... – Врач сдвинул голубую шапочку, почесал коротко бритую голову, надвинул шапочку на место, достал из кармана небольшие золотые очки, надел их. На одном стеклышке было что-то засохшее, как будто кусочек тертой морковки. – Ну, душа-девица, на тебе хочу жениться... В смысле – пошли посмотреть твою руку. Сломала, что ли? – Он так просто это спросил, как будто говорил не о руке, тем более правой, которой я все делаю вообще-то, а о детской игрушке. Да и то – игрушку всегда жалко, если она ломается.

– Не знаю, – сдержанно ответила я. – Вывернула или сломала.

– А что, – снова повеселел врач, – куролесила, что ли, да? Там... – он опять показал руками что-то неопределенное, издавая при этом всхлипывающие звуки и хрюкая.

Интересно, это действительно врач или окажется, что он просто сторож или санитар из морга? Здесь ведь есть морг?

– А вы врач? – спросила я, когда мы уже очень долго шли по полутемному коридору, потом поднялись на второй этаж по совсем темной лестнице – я постаралась пробежать ее как можно быстрее, перепрыгивая через две ступеньки, хотя каждый шаг отдавался болью в правой руке.

– Врач, врач... – приговаривал мужчина, довольно легко успевая за мной.

Мы пошли дальше по коридору второго этажа. В больнице была такая тишина, что я подумала – наверно, никого нет. Но тут открылась дверь какой-то палаты, и вышла древняя бабуся.

– Что, бабуль, прогуляться до унитаза и обратно? – весело крикнул ей врач. – Молодец, я же говорю, походишь еще! И не только на горшок, еще на свидание побегаешь! А то – «Помру, помру...». Так, – обернулся он ко мне, – давай вот сюда, что ли, а то в кабинете у меня там узбек под наркозом сидит, ждет, пока я ему ногу отрежу... – Врач громко засмеялся, а я вздрогнула.

Что-то мне совсем перестала нравиться эта больница. Никого нет, странный врач, тишина... Может быть, здесь теперь не больница? А что-то другое? А как же бабуся в халате – она кто?

Врач тем временем завернул в какое-то помещение, включил там свет и позвал меня, поскольку я в нерешительности остановилась под дверью:

– Давай, чапай сюда! Рука у нее! Лучше бы показала мне кое-что, а не руку ломала! – он опять громко захохотал, как будто сказал что-то очень смешное, и его огромное пузо затряслось под халатом. – Какой в руке интерес, правда? Тем более в сломанной. Так, садись вот сюда, садись, руку подними... Так сгибается? Больно? А так?

Я охнула, потому что он неожиданно дернул руку так, что у меня как будто посыпались искры из глаз. Я слышала это выражение, только не знала, что правда так бывает.

– А теперь? Пошевели рукой, как? Лучше?

Я осторожно согнула руку. И взглянула на врача. Даже если он санитар из морга, суставы он умеет вправлять.

– Не болит.

– Вот! А ты, главное дело, – «сломала, сломала»! Ну, чем платить будешь? – он весело посмотрел на меня, облокотясь на подлокотники медицинского кресла, в котором я сидела. Очень, кстати, какого-то подозрительного кресла, на которое я еле-еле залезла. Похоже на гинекологическое, на котором нас проверяли на диспансеризации, только как-то неправильно наклоненное. – Ты у нас как? Уже все умеешь?

Я прицелилась и хотела дать ему ногой по животу, но он как-то удивительно быстро понял мое намерение и схватил за ногу.

– Вот смотри, – сказал он. – Я сегодня добрый. Потому что у моего брата вчера сын родился. Я радуюсь за брата и тебя трогать не буду. Вот видишь, я, вместо того чтобы дома водку пить с родными, торчу здесь с полуживой бабкой и узбеком, которому друзья отрезали ногу, а я сейчас буду ее пришивать. А еще ты мне тут ночью! Который час, кстати?

Не знаю, у кого он это спрашивал. У меня часов не было, а прямо перед ним на стене висели часы.

– Вот, десятый, видишь. Хочешь ногу отрезанную посмотреть?

Я в ужасе замотала головой.

– А бутерброд с колбасой хочешь? – спросил он как ни в чем не бывало и полез в карман, достал оттуда пачку сигарет, треугольную конфету в золотом фантике и огромный бутерброд в целлофане. – Сейчас мы с тобой по-братски... Да я побегу. А то ночевать здесь оставайся, куда ты на ночь глядя поперешься... – Он ловко развернул целлофан, разделил бутерброд и протянул мне: – Да бери, бери! Что ты съезилась! Не трону. Главное, чтобы никто больше не тронул. Есть хоть друг какой?

Я подумала, говорить ли про Веселухина. И друг ли он мне? Я сегодня себя уже не в первый раз об этом спрашиваю.

– У меня есть шеф, – зачем-то сказала я. Просто если бы я дальше молчала, получалось бы, что я его боюсь. А это никогда не надо показывать. Плохо действует на некоторых людей.

– Шеф – это хорошо... – Врач уже не слушал меня, разбирая какие-то коробочки в шкафу. – Так, это мне пригодится, это я... – Он отхлебнул из высокой медицинской баночки и крикнул. – Все, душа-девица, жениться на тебе я пока передумал, пойду пришью ногу больному, пока она окончательно у него не отвалилась. Надумала ночевать в нашем хосписе?

Я помотала головой и побыстрее вышла. Уже с лестницы, до которой я добежала первой, я крикнула:

– Спасибо!

– Да что уж там! – в ответ крикнул мне из коридора врач. – Обращайся!

Я слышала его тяжелые быстрые шаги, и мне было страшно. Я добежала до выхода, он оказался закрытым, но я увидела ключ в замке, повернула его и через мгновение была уже на улице.

Да, правда, совсем темно. И как я буду добираться до детского дома? По темному пролеску? Одна? Нет, невозможно. Автобус доходит только до половины, дальше тоже страшно идти... В городе я никого не знаю, кроме Маши. К Маше идти невозможно – ее мама не разрешает ей со мной дружить, потому что боится детей из детского дома. А я припрюсь ночевать! Позвонить я никому не могу – у меня нет телефона. Как же люди обходились раньше? Звонили из каких-то автоматов, но у нас таких здесь и нет, кажется.

Я приблизительно представляла себе, где живет Серафима – она часто рассказывала о своем новом доме, где сначала до бесконечности шел ремонт, потом стали взрываться батареи, затапливая ее новый паркет, и течь трубы. Я знала, что муж у Серафимы – то ли военный,

то ли бывший военный, она очень им гордилась, и ему, наконец, дали квартиру, после того как они, по словам Серафимы, «промыкались по общежитиям» всю жизнь. Дом такой один во всем городке, найти его нетрудно. Но какой у нее номер квартиры? Что, я буду ходить по этажам и спрашивать: здесь живет Серафима Олеговна? К тому же Серафима меня просто на дух не выносит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.